

82.3(2=632.1)-06
А 521

С (182)

А 52

АЛТАЙСКИЕ СКАЗКИ

Литературная обработка
Анны ГАРФ, Павла КУЧИЯКА

Горно-Алтайская областная
библиотека

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул, 1955

86948-44648-

82.3(2=632.1)-442.06
A 521

THE INSTITUTE
FOR THE STUDY OF
HUMAN DEVELOPMENT

4443

ШЁЛКОВАЯ КИСТОЧКА

Жила-была девочка, звали её Шёлковая Кисточка — Торко-Чачак. Глаза у неё были — как ягоды черёмухи. Брови — две радуги.

Однажды заболел старик-отец. Вот мать и говорит:

— Пойди, Шёлковая Кисточка, позови мудрого кама¹. Поспеш, дитя моё Торко-Чачак!

Девочка прыгнула в седло и поехала. Кам жил в берестяном аиле. Аил стоял над бурной рекой.

Кам сидел у своего порога и большим ножом резал берёзовые чочойки. Брови у него были — как мох. Борода росла от глаз и до земли. Ещё издали увидал он Шёлковую Кисточку.

¹ Кам — шаман, колдун.

Уздечка её лошади прыгала, как хвост трясогузки. Кольца сбруи вёсело звенели. Кисточка на шапке сияла, как лунный луч.

Нож выпал из правой руки кама и до крови царапнул ногу. Из левой покати́лась в костёр чочойка. Торко-Чачак три раза повторила:

— Дядя, мой отец заболел. Помогите нам!

И, только когда Шёлковая Кисточка сказала свою просьбу восьмой раз, кам медленно зевнул, как бы пробуждаясь от сна.

— Завтра, на утренней заре, приду.

Ещё не успели в стойбище расстелить на полу белую кошму, ещё не заква́сили чегеня для араки¹, как уже стал слышен звон бесчисленных бубенчиков с шубы кама и грозный гул его кожаного бубна.

Кам приехал затемно, задолго до зари. Молча, не открывая глаз, слез он с коня и вошёл в аил. Люди внесли за ним его тяжёлую шубу. Большой бубен повесили на гвоздь и зажгли под бубном костёр из душистых ветвей можжевельника. Весь день, от утренней зари до вечерней, кам сидел молча, не поднимая век, отказываясь от пищи. Поздней ночью он глубоко, до бровей надвинул свою красную шапку. Перья, выдернутые из хвоста филина, торчали на шапке, словно уши. Две тряпки свисали сзади, как два крыла. На лицо упали крупные, как град, бусы. Кряхтя поднял кам с земли свою двухпудовую шубу. Просунул руки в тяжёлые рукава. По бокам шубы висели лягушки и змеи, сплетённые из кожи. На спине болтались шкурки дятлов.

Длинные тряпки вздрогнули. Бубенцы зазвенели. Кам упал наземь, и люди видели только тёмный бубен да слышали страшный стук деревянной колотушки.

Кам встал, отблески пламени зажглись на его бубенцах. Кам стал медленно кружиться. Он кружился всё быстрее и быстрее.

Вдруг бубенцы разом стихли. В тишине, как удар грома, ухнул кожаный бубен. Кам выпрямился. Руки его раскинуты. Бусы упали с лица на темя. Он сел, протянул руку к берестяному подносу, съел сердце козла и сказал:

— Надо уничтожить Шёлковую Кисточку — Торко-Чачак.

¹ А р а к а — самогонка из молока.

Нечистый дух Дер-Ээзи, хозяин земли, наслал на нас её красоту. Пока девочка ходит здесь, коровы не дадут приплода, дети вымрут, болезнь старика не пройдёт.

Женщины упали лицом вниз. Старики прижали руки к глазам, и сквозь стиснутые пальцы просочились слёзы. Молодые люди два раза покраснели, два раза побледнели.

— Посадите Шёлковую Кисточку в деревянную бочку, — гудел кам, — окуйте бочку девятью железными обручами, заколотите дно медными гвоздями и бросьте в бурную реку.

Кам скинул свою тяжёлую шубу. Снял шапку, сел в седло и уехал.

— Эй, — сказал он дома своим слугам, — идите на берег бурной реки, вода принесёт мне большую бочку. Поймайте, выловите её и поставьте в мой аил. Сами бегите в лес. Плач услышите — не возвращайтесь. Стон, крик по лесу разольётся — не приходите. Раньше чем через три дня в мой аил не показывайтесь.

Семь дней люди не решались выполнить приказ кама. Семь дней плакала Шёлковая Кисточка. На восьмой её посадили в большую бочку, оковали бочку девятью железными обручами, забили дно медными гвоздями и бросили в бурную реку.

А у реки в этот день удил рыбу сирота-рыбак — Балыкчи. Он первый увидел большую бочку, выловил её, принёс в свой зелёный шалаш, взял топор, выбил дно и увидел девочку. Как стоял Балыкчи с топором в руке, так и остался стоять. Словно кузнечик, прыгнуло его сердце.

Шёлковая Кисточка рассказала Балыкчи про злого кама. Рыбак вынул девочку из бочки, посадил туда злую собаку и бросил обратно в реку.

Слуги кама поймали бочку, отнесли в аил, а сами убежали в лес: так приказал кам. Они ещё недалеко ушли, когда из аила послышался крик, стон, вой.

— Помогите! — кричал кам. — Помогите!

Но слуги бежали ещё быстрее, ещё дальше: так приказал кам.

Только через три дня они посмели вернуться. Кам лежал мёртвый поперёк костра. Кто перегрыз ему горло, слуги не могли понять.

А Торко-Чачак стала жить у рыбака в зелёном шалаше. Но есть им было совсем нечего, потому что рыбак больше не мог удить. Он день и ночь смотрел на Шёлковую Кисточку. Сколько раз брал Балыкчи свою удочку, пробовал итти к реке! Шагнёт — и обернётся. А чуть только скроется за стволом сосны лицо девочки, Балыкчи бежит обратно, чтобы ещё раз взглянуть на Шёлковую Кисточку, потому что глаза у неё были — как ягоды черёмухи, брови — словно радуга, а в косах звенели китайские раковины.

Взяла Торко-Чачак кусок бересты, вырезала ножом на коре своё лицо, прибила бересту к палке, а палку воткнула в землю у берега. И Балыкчи стал часто ходить к реке, чтобы увидеть поближе разрисованную бересту.

Как-то раз засмотрелся на бересту Балыкчи и не заметил, что клюнула большая рыба. Рыба потянула леску, удочка выскользнула из рук Балыкчи, удилице зацепило палку, береста упала в воду и поплыла вниз по реке.

Громко заплакала Шёлковая Кисточка, ладонями стала тереть свои брови, пальцами растрепала косы.

— Кто увидит бересту, придёт сюда! Кто найдёт бересту, кто придёт? Уходи, Балыкчи, чтобы тебя не убили! Сшей себе козью шубу, выверни её мехом вверх, сядь на синего быка и поезжай искать меня вдоль реки.

У самого устья бурной реки раскинулось стойбище Кара-хана.

Его рабы выловили разрисованную бересту, увидели лицо Шёлковой Кисточки и сели на берег, забыв о работе. Их шапки вода унесла. Скот разбежался по холмам.

— Кто сказал, что сегодня праздник? Чей справляете той? — загремел Кара-хан, подскакав к рабам.

Тут он увидел кусок бересты. Отнял бересту у рабов, тронул повод и повернул коня к истоку реки. За Кара-ханом поскакали все его силачи и прислужники.

Шёлковая Кисточка была одна в зелёном шалаше. Она не заплакала, не засмеялась, увидав это грозное войско. Молча

¹ Той — свадьба.

села на белого, точно облитого молоком, коня, в шитое жемчужным седло.

В стойбище Кара-хана три года никто не слышал, как она говорит. Три года никто зубов её в улыбке не видал. Она три года не плакала, три года не смеялась.

Вдруг в одно раннее утро Торко-Чачак захлопала в ладоши и весело улыбнулась. По дороге шёл синий бык, на быке сидел парень в козьей шубе мехом вверх.

— Не над ним ли ты смеёшься, Шёлковая Кисточка? — спросил Кара-хан.

— Да, да!

— Милая Торко-Чачак, надеть шубу мехом вверх вовсе не трудно. Сесть на синего быка я тоже могу. Я сам тебя сейчас развеселю.

Кара-хан приказал Балыкчи слезть с быка, сорвал с его плеч козью шубу. Потом, сопя, подошёл к синему быку, поставил левую ногу в железное стремя.

— Моо, ммо! — замычал бык и, не дав Кара-хану перекинуть через седло правую ногу, потащил его по долинам, по холмам.

Все народы, подвластные Кара-хану, стояли вокруг и смотрели.

От стыда лопнуло сердце Кара-хана.

А Шёлковая Кисточка взяла сироту Балыкчи за правую руку, и они вернулись вдвоём в свой зелёный шалаш.

САРТАКПАЙ

На Алтае, в устье реки Ини, жил богатырь Сартакпай. Коса у него до земли. Брови — точно густой кустарник. Мускулы узловаты, как нарост на берёзе, — хоть чашки из них режь.

Ещё ни одна птица не пролетала мимо головы Сартакпая: он стрелял без промаха.

Копытных зверей, бегущих вдали, всегда метко бил Сартакпай. В когтистых зверей он целился ловко.

Не пустовали его арчемаки¹. К седлу всегда была приторочена жирная дичь. Сын Адучи-мерген, ещё издали услышав топот иноходца, выбегал навстречу отцу, чтобы расседлать коня. Сноха Оймок готовила старику восемнадцать блюд из дичи, десять напитков из молока.

Но не был счастлив, не был весел прославленный богатырь Сартакпай. Он день и ночь слышал плач зажатых камнями алтайских рек. Бросаясь с камня на камень, они рвались в клочья. Дробились в ручьи, натыкаясь на горы. Надоело Сартакпаю видеть слёзы алтайских рек, надоело слушать их немолчный стон. И задумал он дать дорогу алтайским водам в Ледовитый океан. Сартакпай позвал своего сына:

— Ты, дитя, иди на юг, а я на восток пойду.

Адучи-сын пошёл к горе Белухе, поднялся туда, где лежит вечный снег, стал искать пути для реки Катунь.

Сам богатырь Сартакпай отправился на восток, к жирному озеру Юлу-коль. Указательным пальцем правой руки Сартакпай тронул берег Юлу-коля — и следом за его пальцем потекла река Чулушман. В эту реку с весёлой песней устремились все попутные ручейки и речки, все звонкие ключи и подземные воды.

Но сквозь радостный звон Сартакпай услышал плач в горах Кош-Агача. Он вытянул левую руку и указательным пальцем левой руки провёл по горам борозду для реки Башкаус. И когда засмеялись воды, убегая с Кош-Агача, засмеялся вместе с ними старик Сартакпай.

— Оказывается, левой рукой я тоже работать умею. Однако не годится такое дело левой рукой творить.

И Сартакпай повернул реку Башкаус к холмам Кокбаша и тут влил её в Чулушман и повёл все воды одной правой рукой вниз, к склонам Артыбаша. Тут Сартакпай остановился.

— Где же сын мой Адучи? Почему не идёт мне навстречу? Слетай к нему, чёрный дятел, посмотри, как работает Адучи-мерген.

Чёрный дятел полетел к горе Белухе, от Белухи река Катунь бежала на запад. Дятел устремился следом за рекой.

¹ Арчемаки — кожаные мешки, перекинутые через седло.

Недалеко от Усть-Коксы догнал он силача Адучи. Тот вёл Катунь всё дальше к западу.

— Что ты делаешь, Адучи-мерген? — крикнул дятел. — Отец твой уж полдня ждет тебя в Артыбаше.

Сын сейчас же повернул Катунь на северо-восток.

Дятел поспешил к Сартакпаю.

— Прославленный богатырь, ваш сын ошибся: реку к западу начал вести, теперь повернул её на восток. Через три дня он будет здесь.

— Славный дятел, — сказал Сартакпай, — ты мою просьбу уважил. За это я научу тебя, как всегда сытым быть. Ты не ищи червей в земле, не лазай за мошками по ветвям деревьев, а уцепись когтями за ствол, стукни клювом по коре и крикни: «Киук-киук! Караты-хана сын свадьбу справляет, киук! Наденьте жёлтую шёлковую шубу, чёрную бобровую шапку. Скорей, скорей! Караты-хана сын вас на свадьбу зовёт!» И все черви, букашки, мошки тотчас выбегут из-под коры на свет.

Вот с тех пор и доныне дятел кормится так, как научил его старик Сартакпай.

Дождаясь своего сына, Сартакпай три дня держал указательный палец в долине Артыбаша. За это время к нему под палец натекло Телецкое озеро. Отец повёл из Телецкого озера реку Бию, а сын Адучи быстро бежал, ведя за собой Катунь.

Ни на шаг не отстал он от своего могучего отца. Вместе в один миг слились обе реки, Бия и Катунь, в широкую Обь. И эта река понесла воды Алтая в далёкий Ледовитый океан.

Адучи-мерген стоял гордый и счастливый.

— Сынок, — сказал Сартакпай, — ты быстро привёл Катунь, но я хочу посмотреть, хорошо ли, удобно ли для людей ты вёл её.

И старик пошёл от Оби вверх по Катунь. Адучи-мерген шагал сзади, и колени его гнулись от страха. Вот отец перешагнул через реку Чемал и подошёл к горе Согонду-Туу. Лицо его потемнело. Брови совсем закрыли глаза.

— Ой, стыд, позор, Адучи-мерген-сын! Зачем ты заставил Катунь сделать здесь поворот? Люди тебе за это спасибо не скажут. Плохо сделал, сынок!

— Отец, — отвечает Адучи, — я не мог расколоть Согонду-Туу. Даже борозду провести по её хребтам не хватило сил.

Тут старик Сартакпай снял с плеча свой железный лук, натянул тетиву и пустил литую из меди трёхгранную стрелу.

Согонду-Туу надвое раскололась. Один кусок упал пониже реки Чемала, на нём тут же вырос сосновый бор Бешпек. Другая половина Согонду-Туу до сих пор стоит над Катунью. И до сих пор хвалят люди старика Сартакпая за то, что провёл он дорогу прямую, как след стрелы.

Дальше идут отец и сын вверх по Катунь. Видит Сартакпай: река рушит и рвёт берега. Свирепо и быстро бегут её воды.

— Как же будут люди ездить с одного берега на другой, сынок?

У самого устья Чобы богатырь Сартакпай сел на камень и крепко задумался.

— Здесь, сын мой, — сказал он, — как раз середина реки. Надо будет выстроить тут большой мост.

Ничего не ответил молодой Адучи-мерген. Он очень устал и, стоя, качался из стороны в сторону, как высокая трава.

— Пойди отдохни, милый, — позволил Сартакпай. — Только не смей спать, и жена твоя Оймок из уважения к моей работе пусть не смыкает век.

— Неужели, отец, вы всю ночь не уснёте?

— Когда творишь великое дело, сон не посмеет придти, — ответил Сартакпай.

Он стал собирать груды камней в подол своей шубы. Весь день без отдыха работал Сартакпай. И когда стемнело, он тоже не захотел отдохнуть.

Катунь бежала, как бешеная. Ветер гнул деревья. В небе дымились чёрные тучи. Они грозно плыли навстречу друг другу. И маленькая туча, налетев на большую, высекла яркую молнию. Сартакпай поднял руку, поймал молнию и вставил её в расщепленный ствол пихты. При свете пойманной молнии Сартакпай стал строить мост. Он вонзил один камень в другой, и камни покорно лепились один к другому. До того берега оста-

лось проложить не больше пятнадцати кулашей¹. И тут мост рухнул.

Сартакпай рывкнул, как медведь, выбросил камни из подола шубы, и они, гремя, просыпались от устья Чобы до устья Эдигана.

От страшного грохота проснулся сын Адучи, открыла глаза сноха Оймук. Испугавшись гнева Сартакпая, они обернулись серыми гусями и улетели вверх по реке Чуе. Сартакпай бросил им вслед стопудовый камень. Этот камень упал на Курайской степи и до сих пор лежит там.

Сын Адучи и сноха Оймук остались гусями навечно.

Одиноким и печальным, сел Сартакпай на своего коня и вернулся к устью Ини. Его родной аил давно рассыпался. Сартакпай расседлал коня, бросил на большой камень стопудовый «ичим»² и, чтобы он скорей высох, повернул камень к солнцу, а сам сел отдохнуть.

Тут кончается рассказ про Сартакпая — строителя, про Сартакпая — хозяина молний, про Сартакпая — богатыря.

СЧАСТЛИВЫЙ РЫСТУ

На солнечной стороне островершинной горы на берегу молочного озера жил мальчик. Ростом он был с козлёнка. Из двух беличьих шкурок мальчик сшил себе просторную шапку. Ноги обул в кисы³ из козьего меха. Лицо у мальчика было, как луна, круглое, и он никогда не плакал.

Вот раз к молочному озеру приехал на белом коне Ак-Каан. Услыхал нежный звон.

— Что такое?

Перегнулся через седло. Черенком нагайки раздвинул кусты и увидел круглолицего мальчика. Малыш сидел на корточ-

¹ Кулаш — мера длины: $2\frac{1}{4}$ метра.

² Кичим — потник, войлок, который кладут на спину лошади под седло.

³ Кисы — меховые сапоги.

ках, дул в сухой стебель цветка, и стебель пел, словно золотая свирель.

— Как тебя зовут, дитя?

— Моё имя Рысту — Счастливый.

— Кто твои родители?

— Отец мой — гора, мать моя — озеро.

— Откуда ты знаешь это?

— Гора меня кормит клубнями цветов, озеро поит меня.

Ответ малыша очень понравился Ак-Каану.

— Хочешь быть моим дитятей, милый Рысту? Я тебе сошью шёлковую шубу, вкусной пищей стану кормить, дам проворного коня.

Рысту прыгнул на круп лошади, обнял Ак-Каана, и они поехали ко дворцу. Тут хан схватил малыша за шиворот, поставил на землю:

— Мой белый скот ты будешь пасти!

Зимой Рысту гнал стада с гор в долины. Весной и осенью, день и ночь он скот перегонял. Снег и дождь его не жалели. Ветер злобно дул. Сапоги на ногах скоробились. Шуба присохла к плечам. Глаза научились плакать. Рот стал жалобные песни петь. Но никто его слёз не видел. Никто плача его не слышал. Один раз споткнулся Рысту, упал в траву и сам не заметил, как уснул. Во сне к нему подошёл сморщенный старик.

— Ты, сынок, когда один на горе жил, не умел плакать, не знал тоскливых песен. О чём же ты стонешь так горько во сне?

— Мои ноги болят. Мои руки устали. Живот озяб. Я не могу день и ночь за коровами бегать!

Старичок погладил свой костыль, поправил усы; глаза его совсем узкими стали.

— А ты, сынок, когда захочешь лечь, скажи коровам: «Пып!». Побегать захочешь — скажи коровам: «Тап-Тажлан».

Рысту открыл глаза и увидел над головой солнце.

«Моо...» — мычали коровы и брели в разные стороны.

— Пып! — крикнул Рысту.

Коровы тут же легли.

Теперь малыш опять повеселел. Он сидел целые дни на берегу реки и дразнил птиц. А коровы лежали и даже не смели

мычать. Но, лёжа, они не могли щипать траву и стали худеть. Это заметил Ак-Қаан.

— Лентяй, коров пасти не умеешь! Разве ты мальчик? Я тебя заставлю теперь, как девчонку, чегень¹ взбивать!

И стал Рысту день и ночь мешать длинной палкой кислый чегень. Руки мальчика не отдыхали. Глаза не смыкались. Жена Ак-Қаана гнала из чегеня араку и угощала всех, кто приходил во дворец. Гости и слуги валялись всегда пьяные. А мальчик Рысту стоял и работал.

— Это что за работа! — ворчала пьяная ханша. — Разве так чегень мешают? Сейчас возьму нож — твою голову рассеку! Пику возьму — сердце выколю!

У хана было двое детей. Они всегда пищали, точно слепые щенята. Вот раз девочка стала отнимать у брата козлиные бабки. Мальчик крепко держал кости и мычал. Девочка царапалась и визжала.

— Пып! — крикнул Рысту, и рука девочки прилипла к голове брата.

Увидела это ханша.

— Что с вами, дети мои? — заплакала она, обнимая сына и дочь. — Лучше б это с чужим мальчишкой случилось!

— Пып! — прошептал Рысту.

И ханша прилипла к детям.

— Пьяные вы, что ли? — спросил Ак-Қаан.

Поднял он руку, ударил ханшу. Рысту сказал своё «пып», и ладонь хана прилипла к плечу жены.

А Рысту срезал себе дудочку и заиграл, как порхающая в небе птица.

— Ты, грязный, червивый Рысту! Беги позови лучших камов, — прохрипел хан.

Рысту привёл всех камов со всех стойбищ, и каждый взял себе по жирной кобыле для жертвы. Много скота зарезали камы, выпили всю араку, но вылечить семью хана они не смогли.

Все камы, качая головами и отрывая жирную пищу, молча сидели вокруг склеенной семьи. Наконец самый старейший сказал:

¹ Чегень — кислое молоко.

— Там, где земля сливается с небом, как раз на этой черте живёт великий Телдекпей-кам. Он один сможет вылечить хана.

Рысту побежал за Телдекпеем.

Великий Телдекпей приехал ко двору хана на синем быке. Сплюнул сквозь зубы.

— Такую болезнь если не вылечу, где ж тогда моя слава?! Я не успею трубки докурить, как они будут здоровы.

Так похваляясь, кам Телдекпей спешил, сел на зелёную траву, достал из-за пояса огниво, чтобы высечь искру для трубки, но тут малыш Рысту сказал:

— Вы такой большой человек, зачем садитесь на сырую траву? Лучше присядьте на тёплый камень.

Кам Телдекпей медленно встал и важно сел на белый камень.

— Пып, — тихо сказал Рысту.

Телдекпей-кам закурил свою длинную трубку. Все на него, не дыша, смотрят.

— Эту трубку выкурю, и ты, хан, здоров, счастлив будешь.

Но выкурив он и вторую и третью трубку, а хан и семья его сидели прилипшие друг к другу, как прежде.

Кам Телдекпей встал, вместе с ним поднялся с земли белый камень. Телдекпей-кам тут же обратно сел. Великому каму было стыдно стоять с камнем, прилипшим к тому месту, на котором люди сидят. Глаза Телдекпея чуть не выползли из век.

— Что это за камень, дитя моё Рысту?

— Обыкновенный камень, — отвечает малыш. — Камень с горы. Поклонитесь хозяину гор.

Телдекпей припал лбом к земле.

— Пып! — крикнул Рысту.

И люди увидели, что кам не может поднять головы.

— А-а, так это, значит, твои штуки, бессовестный Рысту?! — взвыл хан. — Сейчас убью тебя.

Рысту поднял вверх правую руку. Его луноподобное лицо заалело.

— Тап-Тажлан! — сказал он, и семья хана покатилась в разные стороны.

Великий Телдекпей-кам оторвал лоб от земли, прыгнул с камня в седло, и больше его никто не видал.

Малыш Рысту подошёл к освобождённому хану.

— Ну, теперь убейте меня! Вы хотели.

Хан дрожал, словно мышь, зажатая в ладонь. Ханша стояла, как большая лягушка. Дети спрятались.

А молодой Рысту шагнул через золотой порог, на золотой трон смело сел. Посидел немного и крикнул самому себе:

— Тап-Тажлан!

Трон подпрыгнул, и Рысту, слетев с трона, побежал к молочному озеру, на цветущую гору.

ЗОЛОТАЯ ЧОЧОЙКА

Когда Караты-хан умер, вместе с ним положили в могилу его шубу, шкуры, на чём он спал, и чочойку, из какой пил. А чочойка была золотая. Сын Караты-хана, молодой Кёз-Кичинек, эту чочойку никак забыть не мог: ведь она была золотая! Вот позвал Кёз-Кичинек сироту-раба.

— Пойди, вонючий Диту, к моему отцу, принеси мне с того света золотую чочойку. Не пойдёшь — я у тебя живого душу вырву, мёртвого тебя в куски разорву!

Спустился Диту в долину — что делать, не знает. Как из тот свет попасть, ему неизвестно. Идёт, куда ноги ведут. Повстречал он сухую, как осенний лист, старушонку.

— Милый мальчик, почему ты такой темносиний?

— Мне сын Караты-хана велел к своему умершему отцу сходить, а дороги я туда не знаю.

Старушка села на землю, откашлялась.

— Ты всё на запад иди. В западной стороне вход в подземный мир. Вот тебе семь гребней, сынок, семь иголок с нитками, семь железных столбов. Если ум у тебя есть, эти вещи тебе пригодятся.

Где сидела старуха, там примялась трава. Куда ушла старуха, не заметил Диту и следов её не нашёл. Он повернул к западу, пришёл туда, где дня нет, и увидел под ногами глубокую яму. Спустился вниз.

— Ааа!.. — раздался из глубины пронзительный крик, и семь косматых девушек окружили Диту. — Мы твои глаза выцарапаем. Живот разорвём! Здесь живым места нет!

Диту бросил наземь семь гребней. Девушки тут же сели на пол и стали расчёсывать свои косы. А Диту побежал дальше.

— Ооо!.. — завывало впереди, и семь женщин ринулись навстречу Диту. — Живой! Сейчас же умри!

Диту кинул им семь иголок с нитками, и женщины тут же принялись зашивать свои ветхие шубы.

— И-а-и-а... ио... ио!.. — заревели семь верблюдов и, качая горбами, побежали навстречу Диту.

Но он успел воткнуть в землю семь столбов.

Верблюды стали чесаться о железные грани.

А Диту всё идёт да идёт. Вот подошёл к большой пещере. Перед пещерой сидит сам Караты-хан — пьёт из золотой чочойки густую араку.

— Как живёшь, вонючий Диту?

— Хорошо. А вы как здесь существуете, великий хан?

— Замечательно! Если бы ты знал, Диту, какой табак мы здесь курим, не захотел бы ты живым остаться. Ради этого табаку, честное слово, умереть не жалы!

Караты-хан поставил золотую чочойку на пол и закурил длинную трубку. Диту схватил чочойку и побежал. Караты-хан за ним, но никак догнать не может: Караты-хан умер очень старым, а Диту — всего шестнадцать лет.

— Эй, верблюды! — крикнул Караты-хан. — Ловите Диту, держите Диту!

— Нет, — ответили верблюды. — Когда мы об угол твоей пещеры чесались, ты нас батогами гнал, а этот Диту всем нам по железному столбу поставил.

— Хватайте его, не пускайте! — крикнул Караты-хан старым женщинам.

— Нет, — ответили женщины. — Ты нам за семь лет ни разу новой одежды не подарил, даже звериных жил не дал, чтобы наши лохмотья зашить, а этот Диту принёс нам иголки и нитки.

И Диту свободно пробежал.

Караты-хан — за ним.

— Эй вы, — крикнул он девушкам, — поймайте Диту, свяжите его! Сюда притащите!

— Нет! Ты за семь лет нам, семерым, ни одного гребня не дал, а этот Диту всем нам подарил по расчёске.

Диту бежит всё дальше, всё быстрее, уже схватился рукой за край ямы.

— Диту, Диту! — закричал Караты-хан. — Моему сыну привет от меня передай! Пусть он опрокинется кверху дном и превратится в пустой котёл. А невестке скажи, чтоб улетела из дому чёрной сорокой.

Диту выпрыгнул из подземного мира и побежал к стойбищу молодого Кёз-Кичинека. Ещё издали увидел Кёз-Кичинека золотую чочойку.

— Неужели ты в самом деле у моего отца был?

— Да, — отвечает Диту. — И ваш отец передал вам привет: пожелал он, чтобы вы опрокинулись вверх дном и превратились в пустой котёл.

Кёз-Кичинека до конца дослушать не успел, словно кто ударил его сзади, — так быстро он перевернулся и упал в долину пустым котлом.

Обрадовалась его жена:

— Теперь за кого хочу пойду замуж!

А Диту ей в ответ:

— И вам, почтенная, Караты-хан привет послал: чтобы вы стали чёрной сорокой, хотел он.

Женщина только полслова сказала по-человечьи, а всё остальное уж пришлось ей по-сорочьему говорить. Ещё до сих пор болтает сорока, всё никак не может свой гнев до конца высказать.

Так стал раб Диту свободным парнем. В белом айле жил. В правой руке у него золотая чочойка. Эту чочойку Диту до краёв аракой налил, самому старому старику поднёс. Самой старейшей старухе вторую чочойку подал. А третью налил молодой девице Чейнеш.

ЛИСА-СВАХА

На холмистой горе спала красная лиса. Много ли, мало спала — не помнит. Проснувшись, ушами повела — пустой живот к рёбрам прилип.

— О-ой, как я голодна-а-а!..

От голода забыла страх и смело побежала на опушку леса, к ветхому аилу.

«Около человека всегда есть чем поживиться. Курица ли, кость ли — мне всё равно, лишь бы еда».

Так думала лисица, рыская вокруг аила. Однако ни кости, ни копыта ей не удалось найти.

«Вот жадные люди! Неужто все объедки оставляют в доме?»

Лиса сунула морду в щель и увидела: костёр в этом аиле покрыт пеплом в сто слоёв. У потухшего очага, положив под голову обгорелую плаху, лежит молодой человек. Жив или умер — неизвестно. Когда лиса дёрнула его за ухо, он поднял голову. Глаза его на утренние звёзды были похожи.

— Ух, какой парень! — вздохнула лиса. — Я таких ещё никогда не видывала. Зачем ты валяешься у остывшей золы? Почему не идёшь сватать единственную дочь Караты-хана?

— Потому что меня зовут Яланаш — Без-рубахи. На мне в самом деле никогда рубахи не было. Видишь, овчина висит на голых плечах?

— Что же ты тут делаешь, Яланаш?

— Лежу, смерти жду. Я уж десять дней ничего не ел.

— А-а! Однако я во-время пришла. Теперь, я думаю, самое подходящее тебе дело — породниться с Караты-ханом. Тогда уже голодным не останешься.

Яланаш взял из-под головы обгорелую плаху и бросил в лису.

— Смеёшься!

Лиса подпрыгнула, и плаха задела только её левую заднюю лапу.

Прихрамывая, побежала лиса к Караты-хану.

— Великий хан! Яланаш просит ваш большой котёл. Он этим котлом хочет масло мерить.

— Ты — глупая лиса, — отвечает Караты-хан. — У Яланаша ни одной коровы нет. Капли молока ему негде взять. Откуда же у него масло?

— Солнцем клянусь, не знаю, великий хан, но масла у Яланаша так много, что из аила на камни течёт. Я поскользнулась, чуть ногу не сломала. Видите, хромая теперь.

Караты-хан, усмехаясь, подал лисе самый большой котёл. С этим котлом лиса обежала все стойбища, все кочевья:

— Подайте немного масла голодной лисе!

Кто ложку, кто пол-ложки дал; так понемногу лиса собрала полный котёл и принесла Яланашу.

— Караты-хан послал тебе в подарок котёл масла. Твоё лицо ему понравилось.

С голоду Яланаш съел сразу половину масла из котла. Остальное лиса отнесла Караты-хану.

— Спасибо, великий хан, вот ваш котёл.

— А чьё в котле масло?

— Верно, Яланаш позабыл. Уж мы мерили, мерили — надоело нам это. Ему лень было вылить остаток из котла.

Караты-хан так долго смотрел в котёл, будто там было не масло, а луна.

— Кхе, кхе... — забеспокоилась лиса. — Кхе, великий хан. Яланаш у вас весы просит. Ему надо деньги свешать.

— Глупая лиса, кто взвешивает деньги? Их считать надо, а не вешать.

— Ох, великий хан! Мы уже пять дней, пять ночей считаем, никак не можем сосчитать. У меня от этого счёта ум из головы выскочил. Сам Яланаш тоже без ума сидит.

Караты-хан подал весы. Улыбка у него не вышла. Смех в горле застрял. А лиса взяла весы в зубы и пошла по стойбищам — гроши собирать. Гроши она сменяла на копейки, копейки на рубли, рубли на десятки и прибежала к Яланашу.

— Долго ли ты будешь валяться, лентяй? Смотри, все женихи отцу за невесту подарки шлют, а тебе отец невесты денег послал.

Тут Яланаш вскочил, обнял лису и крепко поцеловал её.

— Что хочешь, прикажи, верная лиса, всё исполню!
А лиса самые новые монеты запихала во все щели весов и побежала к Караты-хану.

— Ой, сколько монет застряло! — сказал Караты-хан.

— Неужели? — удивилась лиса. — А мы даже и не заметили.

Караты-хана пот прошиб. А лиса встала на задние лапы, перекинула хвост через левую переднюю лапу, правой глаза прикрыла и говорит:

— Ах, великий хан, стыд свой куда дену? Этот богач Яланаш хочет сватать твою единственную дочь.

Караты-хан темносиним стал. Потом вспомнил о богатстве Яланаша и ласково отвечает:

— Скажи Яланашу: Караты-хан даёт ему дочь. Пусть богач Яланаш пригонит мне тысячу белых овец, пришлёт тысячу ташауров¹ араки и принесёт сто собольих шкурок. Ведь он сватает ханскую дочь.

— Ты очень мало просишь, великий хан. Сколько у Яланаша овец, столько же у него и коров и верблюдов. Если твои мосты выдержат, он может тебе сто тысяч голов скота пригнать.

Караты-хан обиделся:

— Через этот мост сам Дельбеген² сколько раз ездил!

— Якши болсын! Будьте здоровы! — сказала лиса. — Через неделю ждите Яланаша.

Где была лиса, там её нет. Она полезла под мост и там семь дней зубами подтачивала сваи. Когда брёвна у перехвата стали тонкими, как лыко, лиса приказала Яланашу идти к Караты-хану, а сама побежала вперёд и тявкает:

— Дорогу! Дайте дорогу верблюдам! Сторонись, народ: быки идут! Эй, выходите овец принимать!

Караты-хан, его гости и слуги выбежали встречать Яланаша. Яланаш ступил на мост — мост затрещал, и Яланаш провалился в реку.

— Ой, ой! — взывала лиса. — Мне скота не жаль, пусть

¹ Ташаур — сосуд из кожи.

² Дельбеген — чудовище.

арака пропадёт, пускай собольи шкуры гибнут, лишь бы мой Яланаш был жив!

Лучшие богатыри на конях въехали в бурную реку, вытащили Яланаша без рубахи и положили на траву. Голый Яланаш был красивее богатырей в золотых шубах. Прекрасней алыпов¹ в куртках из бронзы. Караты-хан приказал дать Яланашу жёлтую шёлковую шубу и шапку из лапок соболя. Дочь Караты-хана, увидав Яланаша, опустилась на оба колена и взяла его за правую руку. Тут стали справлять той: в игры играть, мясо есть, араку пить. Семь дней веселились во дворце у Караты-хана.

На восьмой день оседлали коней, едут в гости к Яланашу. А лиса бежит впереди и кричит:

— Эй, люди! Караты-хан едет. Сейчас же скот колите, соболя шкурки тащите!

Взбежала лиса на скалистую гору, к золотому дворцу хана змей:

— Эй, змеи! Караты-хан едет, всех вас сейчас убьёт!

Змеи выползли из золотых постелей, из серебряных щелей.

— Что нам делать? Как спастись?

— Идите за мной, — протявкала лиса. — Я вас всех хорошо спрячу.

И лиса побежала на скошенный луг. Змеи поползли за ней. Посреди луга стоял высокий стог.

— Лезьте все в этот стог! — приказала лиса.

Ядовитые змеи, шурша, заползли в сено. Стог шипел от них, как масло в чугуне.

— Эй вы, тише там! — приказала лиса. — Караты-хан услышит.

И тут лиса стукнула огнём о камень, искра упала в сено. Стог вспыхнул, и змеи сгорели. Теперь лиса побежала навстречу Яланашу. А Яланаш уже подъехал к своему айлу.

Лиса улыбнулась Яланашу, сказала ему: «Якши болсын! Будь здоров!» — и убежала в лес. Больше эту лису никто не видел. Успел Яланаш накормить её или нет, тоже неизвестно.

¹ Алып — герой.

ЭСКЮЗЕК И АЛТЫН-ЧАЧ

Куда ворон не залетает, на краю голубой долины, куда со-рока не может долететь, на краю жёлтой долины, подмышкой у ледяной горы стоял маленький, как сердце, аил. Из него вил-ся тонкой нитью белый дым. В аиле жил смуглый мальчик Эскюзек.

Он кормился молоком бурой коровы, играл с жёлтой козой, ездил на буланом коне.

Вот раз проснулся Эскюзек, кликнул коня, а коня-то и нет, и коровы нет, и коза пропала. На вершину ледяной горы ведут следы семи волков.

Громко заплакал Эскюзек:

— Оглянусь назад — кроме тени, нет ничего. Руки подни-му — только за уши ухватиться можно. Нет у меня отца, кото-рый поддержал бы. Нет матери, что пожалела бы. Птенцу, вы-павшему из гнезда, всё равно где сгнить. Пока не отомщу вол-кам, домой не вернусь!

И ушёл Эскюзек от своего круглого, как сердце, аила.

Идёт день. Идёт ночь. Вот поднялся на узкое ребро горы. Шагнул — и скатился в пропасть. Здесь ни солнца, ни луны не видно. Закричал Эскюзек. Этот одинокий плач тронул сердце орла Кан-Керעדэ. Сомкнул Кан-Керעדэ широкие крылья, кам-нем упал на дно пропасти, когтистой лапой схватил Эскюзека и оставил его туда, где листья на деревьях не желтеют. Кукуш-ка там нежно кукует весь год.

Прямо против Эскюзека, на розовой каменной россыпи, лежали семь серых волков, опутив свои чёрные морды на твёр-дые лапы. Эскюзек выхватил из-за пояса синий топор.

— Где мой буланный конь? Где бурая корова? Коза моя где?

Что дальше было, не помнит Эскюзек. Очнулся он в боль-шой пещере. На полу — медвежьи шкуры. Шёлковые занавеси ватканы лунным и солнечным узором. Семь волков подают Эс-кюзеку золотую чочойку с крепким чаем, золотой поднос с жир-ным кушаньем. Эскюзек поел.

— Не хотите ли теперь на свой скот взглянуть?

Эскюзек вышел из пещеры. Сытый буланный конь опустил

ему на плечо свою шелковистую гриву. Корова пришла с приплодом; коза скачет, бородой трясёт.

— Что подарить вам? — спрашивают волки.

— Если не жаль, дайте щенка, что валяется у вас под порогом.

Семь серых волков, как один, спиной повернулись, тяжёлую слезу уронили.

— Берите собаку.

С розовой каменной россыпи, от вечно цветущей белой черёмухи ушёл Эскюзек. Шёл по зыбким болотам, поднимался на крутые горные перевалы. Шёл серым степным песком. Но дороги домой не видно.

Эскюзек сел на пенёк и закрыл глаза.

— Приди, смерть! Меня, голодного, ты легко победишь.

Но смерть не пришла. Открыл глаза Эскюзек.

Что такое? Стоит перед ним поднос. На подносе сыр и мясо. Поел Эскюзек, отдохнул, накормил щенка. Встал, а перед ним голубая долина и подмышкой у ледяной горы круглый, как сердце, аил. Эскюзек зажгёт в тёмном аиле весёлый костёр и видит: через край деревянной чашки льются розовые сливки, над очагом в медном котле кипит густо заваренный чай.

Кто это приготовил?

Эскюзек лёг на козью шкуру, закрыл глаза.

Всю ночь и всё утро лежал он не шевелясь. Солнце из-за гор давно вышло, а Эскюзек всё лежит.

В полдень жёлтый щенок заскулил, завозился. Взвыл раз, взвыл другой, встряхнулся, и упала собачья шкура. Девушка к очагу подошла. Её серьги — как две луны. Брови бархатно-чёрные. Золотые косы нежно сияют.

Эскюзек схватил собачий мех, а красавица ударила ладонями по круглым коленям. Открытые глаза полны слёз.

— Отдайте мне мою шкуру!

Эскюзек на оба колена пал.

— Грязными пальцами вас тронуть нельзя. Вопросы вам задать я не смею, почему вы собакой стали.

— Караты-хан хотел меня в жёны взять. Чтобы избавиться от него, мои братья обернулись волками, а я — собакой. Зовут меня Алтын-Чач — Золотые Волосы. Отдайте мою шкуру!

Эскиюзек спрятал собачью шкуру в золотой ящик, запер в железный и всё это опустил в деревянный ларь.

Вот как-то раз у Караты-хана пропал белый, как молоко, жеребец с четырьмя ушами. За жеребцом убежал табун молочного-белых кобылиц. Караты-хан сам поехал искать их. Куда только взгляд может достичь, всюду смотрел Караты-хан: белого табуна не увидел. Уже хотел повод обратно повернуть, но вдруг заметил он на краю голубой долины, подмышкой у ледяной горы, тихий свет.

Присмотрелся Караты-хан: огонь выходит из маленького, как сердце, аила. Подобрал Караты-хан полы шубы, хлестнул восьмигранной плетью своего иноходца. Как стрела с тугого лука, полетел бурый конь.

— Э... эй! — вскричал Караты-хан. — Чей аил горит?

Эскиюзек с испугу позабыл достать собачью шкуру. Алтын-Чач выбежала, как была.

И понял Караты-хан: не луна светит, не аил горит, — это волосы Алтын-Чач отражают утреннюю зарю.

Подобно низкой горе сдвинулись брови Караты-хана. Как бурная река рвёт берег, так разорвал, искусал он свои губы. Повернул повод коня и, не оглядываясь, забыв о белом табуне, проскакал в свой белый дворец.

Он не может на трон сесть: трон будто раскалённый камень. Он есть не может: будто кость застряла в горле. Из круглой сумки достал бумагу и стоя написал:

«Я, хан Караты-Каан, владеющий всеми народами Алтая, бесчисленным белым и красным, рогатым и однокопытным скотом, вызываю тебя, безлошадного Эскизека, на великий подвиг.

Если ты достанешь из орлиного гнезда золотое яйцо, то мои народы, говорящие на шестидесяти разных языках, твоими будут. Мой скот шестидесяти мастей я тебе отдам.

Но если я, хан Караты-Каан, тебя в аиле найду, Алтын-Чач моей станет. Твою голову отрублю — к твоим ногам приложу, твои ноги отрежу — к голове приставлю.

Эту грамоту писал я, хан Караты-Каан, едущий на темно-буrom коне».

На краю дымохода во дворце всегда сидели два ястреба.

— Быстрее слов летите! — сказал им Караты-хан.

Ястребы, прихватив клювами грамоту, устремились к маленькому аилу, бросили письмо и улетели.

Алтын-Чач прочла грамоту. Лицо её два раза потемнело, два раза побелело.

— Караты-хан велит тебе за золотым яйцом к орлиному гнезду итти.

С того дня Эскюзек днём без отдыха, ночью без сна шёл. Таяли дни, как снежинки. Годы, как змеи, ползут. Летом солнце ему плечи жгло. Когда снег за ворот падал, он зиму узнавал. Шёл он, всё шёл — и вдруг растаяла чёрная туча. Бронзовый тополь с девяносто девятью сучьями перед Эскюзекком стоит. Из-под корней тополя глядят глаза змеи. На вершине тополя в большом гнезде тихо плачут два орлёнка.

Эскюзек отвёл от ледяных зрачков змеи свои тёплые глаза. Натянул чёрный лук. Концы лука сошлись. Эскюзек спустил стрелу. Три змеиные головы покатались в три конца земли.

Из змеиной крови чёрное море налилось. Как вечная большая гора тело змеи на берегу лежит.

— Потухший костёр кто раздул? Мёртвых нас кто оживил? — крикнули орлята.

Эскюзек вышел из-за тополя.

Орлята выпростали голые крылья. Эскюзек ухватился за них, и орлята подняли его в гнездо.

Луна всходила — Эскюзек с орлятами мясо варил, трубку курил. Луна таяла — Эскюзек с орлятами песни пел. Сколько раз вставало солнце, они не считали. Только когда страшный ветер подул, замолкли орлята.

— Это наш отец и мать крыльями машут.

Густой буйный дождь пролился.

— Это отец с матерью по нас плачут.

Над горами, над реками, надо всем широким Алтаем распластались два крыла: это Кан-Кередэ-орёл летит.

И ещё два крыла над всей землёй распахнулись от восточного конца неба до западного: это летела Кан-Кередэ-мать.

— Чем в гнезде пахнет? — крикнули птицы Кан-Кередэ.

Как стрелы, спущенные с тетивы, они рванулись вверх.

— Кто в гнезде сидит?

— Отец, мать, под тополь взгляните! — просят птенцы.

Кан-Керעדэ увидали под тополем труп трёхголовой змеи. Они пали вниз, как сброшенный сверху мяч.

Три раза убитую змею глотнули, три раза выплюнули.

— Какой богатырь врага победил?

— Пока ваше сердце не успокоится, пока желудок не согреется, пока клювы не высохнут, не покажем, — отвечают птенцы.

— Верные наши орлята, богатыря покажите! Мы его когтем не зацепим, клювом не тронем.

Орлята медленно крылья раскрыли. Робкими глазами смотрел Эскюзек на больших орлов. Кан-Керעדэ-мать взъерошила перья. Кан-Керעדэ-мать страшным клёкотом заклёкотала. Страшным клювом рванула шубу Эскузека, увидала на его голом плече четыре глубоких шрама. Четыре раза простонала Кан-Керעדэ.

— Когда-то из глубокой пропасти я спасла тебя, Эскюзек. На твоём плече след моих когтей. Теперь ты орлят наших спас. Что хочешь? Зачем пришёл?

— Караты-хан велел мне из вашего гнезда золотое яйцо украсть.

— Мы с Караты-ханом друзьями не были, — отвечают Кан-Керעדэ. — Разве станет он своё добро в чужом гнезде хранить! Золотого яйца у нас нет.

Тут молодые кости Эскузека окрепли. Его голос мужским стал. От гнева смуглое лицо посинело.

— Если позволите, — сказал Кан-Керעדэ-отец, — я отнесу вас к вашему стойбищу.

Сел Эскюзек на широкую спину отца Кан-Керעדэ. Вцепился в тёмные перья. Как летел, не видел. Сколько летел, не понял. Куда попал, сам не знает. На этом стойбище никогда не бывал.

В пустом поле только один развалившийся шалаш стоит. В шалаше — чёрный старик. Передние зубы у старика выпали. Усы побелели. Ноги крепко спутаны тугим ремнём. Шея зажата деревянной колодкой.

— Откуда ты, милый мальчик, пришёл?

Дал старик Эскузеку ломоть курута, угостил его молоком. Поздно вечером к шалашу подошла жёлтая старуха. Хотела курут пожевать — не нашла. Хотела молока попить — чашка пу-

ста. Подняла старуха деревянный костыль и стукнула старика по голове:

— Последний кусок проходимцу отдал! Как теперь будем жить?

— Шибко не брани меня, старуха. Жив ли, умер ли наш сын, мы не знаем. Я этого голодного накормил — может быть, и нашего сына люди не оставят.

К полуночи старик уснул.

А старуха, думая о молоке и куроте, заснуть не может. Со злобой взглянула она на голую спину Эскюзека. Увидела родимое пятно. Встала старуха, старика трубкой тычет. Старик проснулся, родимое пятно увидел. Холодное тело его согрелось, потускневшие глаза налились слезами.

— Э-эй, мальчик, юноша! Проснись! Ты огонь наших глаз. Ты кровь нашей груди. Ты наш единственный сын. Тебе только год был, когда мы подать Караты-хану не смогли уплатить. Нас поймали, связали, далеко увезли. С тех пор о тебе не слышали. Свою смерть мы на девять лет оттянули. Хотели хоть перед смертью тебя увидеть.

Эскюзек поцеловал горячими губами сморщенный рот отца, чёрные губы матери. Твёрдыми ладонями погладил их белые волосы.

Старики как сидели — так вечным сном спят.

Из дому Эскюзек вышел дитятей. Из орлиного гнезда юношей улетел. Теперь Эскюзек зубы стиснул, выпрямил плечи. Он возмужал, созрел, человеком стал.

Караты-хан ночью не спит. Днём не спит. Он ждёт вести о гибели Эскюзека, хочет скорее жениться на Алтын-Чач.

— Эй, раб! Ступай в сердцеподобный аил. Посмотри, плачет там или смеётся Алтын-Чач. В тот же день обратно вернись, мне правду скажи.

Пятясь, вышел раб из дворца. Быстрее темнобурого иноходца устремился к аилу Эскюзека. В тот же день вернуться ему приказал Караты-хан. Раб спешил. Раб не останавливался. Раб одним глазом взглянуть хотел — и обратно бежать. Но только полглазом увидал он Алтын-Чач и забыл, зачем шёл. Рот широко открыл, не мигая, на Алтын-Чач смотрит.

Волосы её золотые, как осенние берёзы. Ресницы — густая жвоя.

День сидел и ночь сидел раб у раскрытой двери; он не знал, зачем шёл. Забыл, куда должен идти.

На второй день земля и небо покачнулись. Чёрный вихрь ударил; как сухой лист, взлетел вверх аил Эскюзeka. Ездящий на темнобуром коне, Караты-хан раба за косу схватил.

— Ты как смеешь смотреть на Алтын-Чач?

Намотал Караты-хан косу раба на свою медную руку и перебросил его через две горы.

С сердцем холодным, как вечный камень, с чёрным сердцем вернулся домой Эскюзек.

— А, это ты, Эскюзек! Где золотое яйцо?

Ремённой плетью ударил Эскюзeka Караты-хан.

— Питающийся человеческой кровью Караты-хан! — крикнул Эскюзек. — Хвастаясь силой, не бей слабого. Злым языком молчаливых не оскорбляй. Под худым седлом ходит добрый конь. Под рваной шубой может оказаться богатырь непобедимый.

Схватил тут Эскюзек Караты-хана за соболий ворот и стащил с темнобурого коня.

Караты-хан обеими руками обхватил Эскюзeka. Началась великая борьба. Семь лет тянулась она. По щиколотку уходили их ноги в землю на твёрдом камне. По колено увязали в рыхлой почве. Ни один не упал. Ни один не коснулся земли рукой. Девять лет боролись. Земля дрожала от их борьбы. Горы прыгали, как сарлыки¹, а холмы, как лани. Озёра вышли из берегов. Реки бросались с камня на камень в разные стороны.

Вот Эскюзек уже тронул землю левой рукой и правым коленом тронул.

— Эй, братья волки! Ой, орлы Кап-Кередэ, помогите!

Раскинув крылья над горами и долинами, прилетели орлы. Серые волки, как серые вихри, в семь глотков сожрали темнобурого иноходца, семь раз выплюнули. Орлы Кап-Кередэ железными когтями подцепили Караты-хана, унесли его и бросили на вечный горный ледник. Собакам куска мяса не осталось от

¹ Сарлык — як.

тела Караты-хана. Иголкой раз поддеть не осталось куска от шкуры Караты-хана. Ветер развеял прах его, словно пыль.

Как с тех пор жили Алтын-Чач и Эскюзек, что стало с семьёю волками, где теперь птицы Кан-Керездэ никто нам не мог рассказать.

ХАН САРЫ-КААН

Жил в Алтае хан Сары-Каан. Скота у него — как муравьёв. Богатства его, подобно высокому берегу, окаймляли аил. А сам хан Сары-Каан горького от сладкого различить не мог. Чёрное с бурым путал.

Вот раз хан Сары-Каан посылает своего раба:

— Узнай, кто у моей дочери родился.

Пошёл раб, видит — девочка. Испугался он, идёт домой и думает: «Как быть? Скажу — сын — хан Сары-Каан поверил бы, да ему люди объяснят, тогда мне за ложь голову долой. Скажу: дочь — за дурную весть всё равно шею под топор».

Пришёл домой.

— Ну, — кричит хан Сары-Каан, — кто родился? Говори скорее. Пусть мои уши порадуются.

Раб не может рта раскрыть. Подол старой овчинной шубы по коленкам хлопает. Шапка в руках дрожит. Коса на левое ухо свесилась. Зубы стучат, как в большой мороз.

— Де-евочка...

— А я говорю — сын, значит — сын. Где мои палачи?

Прибежали палачи, раба ремнём скрутили. Тут вдруг перепёлка прилетела, хану на голову села.

— Эй, раб, — взвыл хан Сары-Каан, — сейчас же перепёлку поймай!

Развязали ремни палачи. Раб протянул руку к перепёлке.

— Глупый ты, глупый! — засмеялся хан Сары-Каан. — Кто же птицу руками ловит? Возьми железную кувалду и ударь.

Хан Сары-Каан строго приказал. Раб не смеет ослушаться. Кряхтя, обеими руками кувалду поднял. Размахнулся. Перепёлка свистнула и улетела, а железная кувалда всей своей тяжестью опустилась на голую башку хана Сары-Каана.

СЕМЬ БРАТЬЕВ

Где, ласково разговаривая, семь тихих ручьёв в одну бурную реку текут, на подоле семи широких гор давным-давно жили семь братьев.

Братья скота не водили. А было у каждого вместо лошади по медному костылю толщиной в обхват.

Как звали отца, вскормившего их, — никто не знает. Какая мать родила их, — никому неизвестно.

Имён у братьев не было. Они звали друг друга:

— Первый, Второй, Третий, Четвёртый, Пятый, Шестой, Седьмой.

Шесть старших братьев были женаты, седьмой жил один. Вот раз ночью Первый сказал:

— На семи горах, на берегах семи рек, в семи лесах — нигде кругом нас человека нет. А в небе звёзд полно. Стоят они большими и малыми стойбищами от края до края. Звезду что ли посватать нам для Седьмого? В стойбище Улькер-каана (созвездие Плеяд) есть подходящая. Зовут её Алтын-Солоны — Золотая радуга.

Открытые веки не успели сомкнуться, сказанное слово ещё не слетело с губ, а братья уже взяли в руки медные посохи и зашагали вверх, к Улькер-каан.

Поднялись на белую мраморную гору, на синюю гору взошли. На гору из чёрного камня встали. Небо у них лежит на плечах. Звёзды ходят совсем близко. У маленьких звёзд — золотые глаза, у больших — глаза, как пламя, жёлтые. Старые звёзды ходят в длинных золотых шубах. Молодёжь — в куртках из бронзы. С медных шапок шёлковые кисти висят. На серебряных шапках — кисти из жемчуга.

Стоят братья. Стоят, что делать — не знают.

— Однако, — сказал Седьмой, — мне, человеку без имени не даст Улькер-каан свою дочь.

— Ох-ха! — отвечает Первый. — Отец и мать не оставили нам имён. Придётся самим себе имя добыть.

Сказал и сел на землю. Взял в руки деревянный топшур. Тронул пальцами две струны. Покашливая, горло прочистил и запел сказку: «Лёгкая туча вышла на дно неба. Тёплый дождь пал. Тёплый-тёплый ветер подул». И на ворот певца трёхцветная радуга встала.

Охнули братья и крикнули в один голос:

— Кайчи-Мерген — Меткий сказитель — вот ваше имя.

Теперь очередь второго брата. Второй раздвинул ладонью высокую траву:

— Здесь, — говорит, — на этом месте семь лет назад бежала росомаха, я её сейчас догоню.

Пущенная стрела не успела слететь с тетивы, а второй брат уже обратно идёт, росомахе тащит.

— Ты — Тюгурук Проворный. Так и будем тебя звать.

Третий брат встал, сузил глаза, ладонью от солнца прикрыл. Посмотрел кругом: на дне серого неба он увидел семь серых гусей. Снял с плеча еловый лук, натянул ремённую тетиву и разом отпустил. Таволожная стрела семь серых гусей убила. На одной стреле семь серых гусей мёртвые лежат.

— Адучи-Мерген — Меткий стрелок — вот кто ты!

Четвёртый брат, как был на боку, так и остался. Только голову повернул, вытянул губы, хлебнул восточное озеро и плюнул его на запад.

— Водяной — Суучин-Мерген — твоё имя.

Пятый брат, усмехнувшись, обнял левой рукой круглую сопку, поднял её и поставил в долину.

— Повелитель гор — Туу-Юзер — ты у нас.

— Ой! — закричал вдруг шестой брат. — Ой, братья мои! Пока мы тут имена себе ищем, нашу Алтын-Солоны едем сватать, — на сером, как железо, коне сын небесного царя Тенеры-каана, молодой Темир Мизе богатырь, у Улькер-каана пирует. Лошади топают, фыркают, ржут.

— Тер-Тындууш. — Далеко слышащий — будем звать тебя, — сказали братья.

Седьмой брат расстроился и хватил кулаком каменную скалу. Как ножом рассечённая, упала скала на две стороны. Потом сгрёб осколки в кулак и вонзил их в чёрный утёс.

— Таш-Оодор — Разрушитель камней — вот кто ты, — сказали братья и, стукнув костылями, двинулись к стойбищу Улькер-каана.

Почувяв братьев, захрапели кони у коновязи. Оборвав удила, они умчались в разные стороны. Золотая семигранная коновязь пустая стоит. К семи граням золотой коновязи братья прислонили семь медных костылей.

Услышав братьев, псы, прикованные к золотым цепям, сели на хвосты и завизжали, как слепые щенята.

Братья вошли в золотой дворец.

Во дворце полно народу сидит. Увидел братьев семиголовый Дельбоген-людоед и захохотал:

— А-а-а, хороший ужин сам ко мне на своих ногах пришёл!

Ездящий на сине-сером коне Кобон-Очун силач вынул из рта железную трубку, сплюнул через правое плечо и опять трубку в рот сунул.

На сером, как железо, коне ездящий, сын небесного царя Генери-каана Темир-Мизе богатырь даже не обернулся. Кисточка на его лисьей шапке не шелохнулась. Длинная коса как висела над левым ухом, так и висит.

Сам хозяин Улькер-каан был в переднем углу. Он сидел на золотом троне с тремя ступеньками. Глаза — как спокойные озёра. Нос — как ровная гора. Брови, — точно горбатый Ке-Ур. Усы откинута за плечи. Борода ниже груди.

— Безлошадные бродяги, бездомные братья! Не смейте входить в мой аил! — сказал Улькер-каан.

Семь дней стояли семь братьев у золотой двери. Улькер-каан не хотел их слов слушать. Их араку к губам не подносил. Братья спрятали шапки подмышки, вежливо с поклоном ещё и ещё раз араку предлагают. Улькер-каан только посмеивается:

— Костёр из двух деревьев жарко будет гореть. Детям двух небесных каанов хорошо будет жить. А вы, семеро, мой дворец не поганьте, гостей моих не смешите.

Однако семь братьев стоят, как семь красных быков. Семь костылей, как семь красных коней.

— Ну, ладно! — вздохнул Улькер-каан, — если вы смеее свататься в один день с семиголовым Дельбогеном, с Темир-Мизе богатырём, с Кобон-Очуном, посмейте добыть чёрного марала, у которого на рогах шестьдесят отростков. Живёт тот марал у берега шести морей, у подола шести гор с шестьюдесятью отрогами, на шестьдесят шестом утёсе.

Прежде всех встал с белой кошмы семиглавый Дельбоген. Выскочил на зелёное поле, поймал своего синего быка, ухватился за могучие рога и вскочил в седло, чеканенное серебром и бронзой. Прежде всех ускакал Дельбоген-людоед. Его синий бык на семь дней впереди всех коней скачет.

За быком спешит серый, как железо, конь Темир-Мизе богатыря. На сине-сером коне Кобон-Очун силач едет.

Семь пеших братьев на семь медных костылей опираются. Семь братьев на семь месяцев позади всех идут.

Далеко ли, близко ушли, а только семь братьев уже на семь дней впереди всех идут. Людоед Дельбоген от злости совсем коричневый стал. У синего быка рога — как вывороченные корни колодника. Вот-вот догонит братьев и съест. Тер-Тындууш уже слышит дыхание людоеда.

— Не бойтесь, братья мои, — сказал Суучин-Мерген. Сказал и выплюнул на дорогу Чёрное озеро.

Но Тер-Тындууш слышит топот серого, как железо, коня, слышит свист восьмигранной нагайки Темир-Бизе богатыря.

— Не бойтесь, братья мои, — сказал Туу-Юзер и выставил на дорогу лесистую гору.

Тер-Тындууш слышит серебряный звон сбруи сине-серого коня. Слышит, как пытит железная трубка Кобон-Очуна.

Тут Таш-Оодор схватил горсть скал и опрокинул их вверх корнями.

А Тюгурук Проворный уже взбежал на шесть гор, на шестьдесят утёсов. Спапасясь от крика, каким кричал Тюгурук, убегая от топота, каким Тюгурук топал, марал выскочил на шестьдесят шестой отрог шестидесятого утёса. Выше гор увидел Адучи-Мерген зелёные рога с шестьюдесятью отростками. Снял с плеча железный лук. На оба колена положил. Оттянул

большим пальцем правой руки туго скрученную тетиву. Лопатки его за спиной сошлись. Щёки покраснели. Не моргнув, спустил с лука живую стрелу. От большого пальца дым пошёл, пламенем вспыхнула стрела и, пронзив чёрного марала, улетела к Улькер-каану. Хорошо, что Тюгурук Проворный успел поймать эту горячую стрелу. Не то сгорело бы от неё всё стойбище.

Чёрный марал упал на передние колени. В глазах его — опрокинутые горы. Красная пена течёт из рта.

Первый брат вынул из-за пояса острый топор, размахнулся и отсек лоб марала с большими тёплыми рогами.

Семь братьев вынули из ножен семь ножей, наточили твёрдые лезвия о каменную скалу. Светлоотточенным ножом прошёлся старший брат по груди марала, по его четырём ногам. Шесть братьев, подцепив шкуру, содрали её так чисто, что даже сорока не нашла бы на коже клочка мяса.

Из этой чёрной шкуры братья сшили аркыт¹ для кислого молока. Большие рога воткнули в землю против дворца Улькер-каана. И стояли рога перед золотой дверью, как коновязь из железного тополя. Чёрный аркыт лёг к ногам Улькер-каана, как чёрная долина с шестью ушами.

От этих подарков не посмел отказаться Улькер-каан. Один глаз он к луне скосил, другой — к солнцу. Прямо в глаза братьям не смотрит.

— Надо, — говорит, — других богатырей подождать. Может быть, не вы марала убили?

Уехавший на семь дней вперёд семиголовый Дельбоген-людоед вернулся через семь лет.

Через десять лет приехал на своём сером, как железо, коне Темир-Мизе богатырь. С ним рядом на серо-синем коне скакал Кобон-Очун силач. Их лица были, как земля, чёрные. Песок скрипел на зубах.

— Я рад вас видеть, — поклонился богатырям Улькер-каан. — Все вы живые с охоты вернулись. Кому из вас дочь отдать — не знаю.

Вздыхнул, голову опустил. Глаза будто туман заволок. Кто

¹ Аркыт — кожаный мешок.

может спеть сказку, чтобы листья распустились на сухом дереве, чтобы с сухой земли цветы поднялись.

— Я могу! — заревел из семи глоток семиголовый Дельбоген.

От его пения птицы побросали гнёзда, звери, оставив детёнышей, ринулись из леса. Убегали через горы. Реки переплывали. Скот умчался с пастбища, люди попрятались. Свежие листья пожелтели. Золотые травы поблёкли.

— Однако вы очень плохо поёте, — сказал, наконец, Дельбогену Улькер-каан. — Замолчите, пожалуйста. Белого скота моего не гоните. Людей не пугайте. Землю мою не сушите.

Дельбоген от стыда синим стал, как его синий бык. Быстро вскочил в широкое седло и пустил быка во всю прыть.

Теперь запел сын небесного царя Тенери-каана, молодой Темир-Мизе богатырь, едущий на сером, как железо, коне. Кобон-Очун силач стал с ним вместе петь. От их пения уснули птицы на ветках. Звери где стояли, там и легли. Люди храпят, где сидели. Уснули быки. Лошади уснули. Все шестьсот шестьдесят шесть гор крепко спят.

— Ваша сказка совсем никудышная, — рассердился Улькер-каан. — Сейчас же замолчите!

Кобон-Очун и Темир-Мизе друг на друга не смотрят. Собираются домой.

Кайчи-Мерген взял свой топшур. Густую песню протяжно запел. Пугливые птицы к стойбищу прилетели слушать. Дикие звери у стойбища стоят, слушают. Народ со всех семисот гор Алтая, с шестидесяти холмов пришёл, слушает. Лесные деревья, прислушиваясь, склонили вершины. Сухой валежник, шелестя прутьями, повторял сказку сухим листьям. На сухостое почки набухли, треснули, и зелёные листья к певцу повернулись. С сухой земли цветы поднялись. Слов нет — красивая получилась песня. Дождь с неба пал. Ветер подул, и трёхцветная радуга, изгонувшись, упёрлась в плечи Кайчи-Мергена.

Увидел это Улькер-каан. Колени его ослабели. Нижняя губа вытянулась. Слова сказать не может. Слезы, не переставая, текут. Четыре дня слушал. Не опускал головы к подушке. Не брал в руки чашки с едой.

— Этих семерых братьев я не могу победить.

Украшенная лунным светом, вышла из-за шёлковой занавески девица Золотая радуга — Алтын-Солоны. Волосы её, как золотоцвет, жёлтые. Глаза — ягоды черёмухи. Белая и кудрявая, как молодая берёзка, стояла у шёлковой занавески, прямая, как игла.

Таш-Оодор пал на правое колено и, крепко ухватив правую руку Алтын-Солоны, сказал сквозь стиснутые зубы:

— Отныне мы неразлучны!

— Всегда вместе будем, — ответила Алтын-Солоны.

Таш-Оодор поднял её на руки, покачал и сунул в карман. Обхватив свои медные костыли, семь братьев пошли к своим аилам.

Крепко, злобно ударил своего серого, как железо, коня Темир-Мизе богатырь. Конь вскочил в небо.

— Не беспокойся, Темир-Мизе, сын мой, — сказал небесный царь Тенери-каан. — Этим братьям житья от нас не будет.

Улькер-каан тут же рядом с Тенери-кааном сидит. Он от злости до крови прокусил нижнюю губу. Лодыжку на левой ноге свихнул. Слёзы из глаз падают на землю густым дождём.

А семь братьев играют свадьбу. Адучи-Мерген принёс с охоты самых жирных зверей. Самых вкусных птиц. Суучин-Мерген превратил все озёра в горячую араку. Туу-Юзер строит из самых красивых гор высокий аил. Тюгурук обежал весь Алтай семьдесят семь раз. Все семьсот народов Алтая созвал на свадьбу. Кайчи-Мерген сидит день и ночь сказку поёт. Вдруг Тер-Тындууш стал белый, как облако:

— Ой, беда! На нас идёт небесное войско. Впереди всех Улькер-каан. За ним сын Тенери-каана. Темир-Мизе богатырь верхом на сером, как железо, коне.

Семь братьев не знают, что делать. Как спастись? С неба пролился горячий огненный дождь. Упало яркое звёздное пламя.

Повелитель гор Туу-Юзер, поднял ледяную вершину. Братья заползли под ледник. Но огненный дождь падал и падал и три слоя льда на три части раскололись. Туу-Юзер сорвал с семидесяти вершин Алтая все семьдесят ледников. Сложил их в семьдесят рядов. Но огненный звёздный дождь всё шёл и шёл,

и один за одним таяли семьдесят ледников, стекая бурными реками.

Тут братья встали и сурово крикнули:

— Не даёте нам на земле жить? Ладно! Мы поживём на небе.

С тех пор их стойбище (Большая Медведица) лежит у золотого кола (Полярная звезда). Улькер-каан (созвездие Плеяд) до сих пор всё ещё хочет отнять у семи братьев свою дочь Алтын-Солоны. Открыто воевать он не смеет, а всё пробует зайти сзади. Да братья осторожны. Всегда поворачиваются лицом к Улькеру.

Так вечными противниками и стоят они друг против друга.

УШКО-КУЛАКЧА

Жил на Алтае один бедный человек. Днём работал, вечером работал. Молодой был — работал, старый стал — всё работает. От работы у него спина пополам согнулась. Выпрямиться никак не может. И прозвали его Кураны — горбатый.

Был у Кураны один пегий конь. На этом коне Кураны возил дрова Чадак-баю. На этом коне стерёг овец Чадак-бая.

А ещё была у Кураны старая жена и весёлый мальчик — единственный сын.

Этот мальчик мог сесть верхом на черенок ножа. В опрокинутой чашке он, как в аиле, жил. Был мальчик ростом не больше уха. И звали его Ушко-Кулакча.

Раз как-то сказал ему отец:

— Знаешь, сын, нам совсем нечего есть. Я поеду в соседнее стойбище, попрошу там чашку ячменя, а ты здесь хозяйничай. Чадак-баю скот паси.

Пошёл Кулакча в горы на пастбище. В густой траве его не видно. Даже овцы Кулакчу-пастуха не слушают. Уже солнце за гору легло, а овцы бредут куда хотят.

Что делать? Как стадо к аилу пригнать? Думал, думал Ку-

лакча и придумал: подошёл к барану-вожаку, вскарабкался к нему на шею, подполз к уху да как крикнет:

— У-у-у!

Испугался баран, домой кинулся. Овцы за ним.

Видит Чадак-бай — овцы бегут:

— Где же пастух? Эй, рабы! Не медведь ли моего Кураны задрал?

Вскочили рабы на проворных коней. Страшно стало Кулакче. Залез он под сухой листок. Над ним простучали конские копыта, пропел ветер. И вот уже обратно едут рабы:

— Нет медведя, — говорят, — и пастуха тоже не нашли.

На другое утро Кураны вернулся, пошёл гнать овец на пастбище. Чадак-бай услышал его голос, встал с белой кошмы, выпятил свой тугой живот, упёр руки в бока.

— Где ты был вчера, Кураны?

— Ячмень просил.

— На кого овец оставил?

Затряслись колени у Кураны, руки запрыгали.

А Чадак-бай правую ногу вперёд поставил, надул губы и ворчит:

— Из-за тебя, Кураны, три моих коня вспотели. За пот этих трёх коней ты, Кураны, три месяца даром работать будешь.

Кураны пасёт стада красных коров, пасёт стада белых овец, лошадей пасёт... а чашки молока ему негде взять, куска мяса нет у него.

Одной ночью сказала старуха-жена своему Кураны:

— Уши мои не слышат, глаза не видят. От голода я умираю.

— Э-э! — отвечает Кураны, — кто нас голодных накормит, кто холодным костёр зажжёт?

Тут Кулакча выглянул из-под своего дома, из-под красной чашки и пропищал:

— Холодных вас я погрею, голодным вам пищу найду. Позволь мне, отец, за ячменём съездить.

Махнул рукой Кураны и отвернулся. А мать взяла своего Кулакчу на ладонь, посадила в седло, дала вместо повода веревку:

— Езжай, сынок!

— Посади меня на лошадь, тогда поеду.

Нечего делать — подняла мать Кулакчу и посадила на лошадь.

Едет мальчик. Цветы видит и каждому цветку поёт грустную песню Кулакча.

Едет Кулакча. Красные горы видит и голубые горы и жёлтую, как золото, траву, и об этом тоже поёт. Вот подъезжает он к большому стойбищу. Аилы там, как стога сена, один подле другого стоят. Услыхали люди песню, вышли из аилов: кто поёт? Видят коня. Что такое? Где человек?

— Здесь, здесь, — кричит Кулакча, — сыпьте ячмень в сумины. Кураны-горбатый есть хочет, его жена от голода слепнет.

Страшно стало людям. Неужели это конь разговаривает? Перекинули через седло две полные сумины:

— Беги подальше, говорящий конь!

Спешит домой Кулакча, радуется:

— Отцу помог.

Смеются с ним вместе жёлтые цветы, улыбаются красные, синие цветы. Подняли головы и лепестки раскрыли. Кулакча прыгнул с седла, стал цветы рвать, конь шею вытянул и щиплет траву. Тут пощипал, там пожевал, вместе с травой Кулакчу проглотил. Поднял голову, заржал, махнул гривой и помчался к родному аилу.

— Э-э, отец, мать, выходите! — кричит Кулакча. — Ячменя вам привёз.

Вышли родители, сняли сумины с седла, а Кулакчи нет.

— Где ты, дитя наше?

— У коня в животе.

Заохала мать. Выругал её Кураны шестьдесят раз. Поднял нож — хочет коня резать.

— Не режь коня, отец! — закричал Кулакча. — Лучше сунь руку в глотку лошади.

Послушался Кураны сына. Сунул руку коню в глотку. Конь поперхнулся и отрыгнул Кулакчу.

Обрадовалась мать. Ласкает, целует мальчика.

Будто к солнцу солнце прибавилось. К луне — луна. Такая была радость.

— Теперь скажи, отец, — спрашивает Кулакча, — за что Чадак-бай тебе три месяца есть не даёт?

Отец помолчал, вниз посмотрел, трубку пососал, дым проглотил. Потом из ноздрей выпустил.

— Не наше дело, сынок.

Разгневался Кулакча и ушёл.

Люди его не видят, собаки не чувствуют.

Даже мыши не боятся, близко-близко подходят к Кулакче и своими усами трогают его шапку, лапками лезут за шиворот к нему.

— Это что за зверь?

А Кулакча всё идёт да идёт.

Вот пришёл к новому берестяному айлу. Пролез в щелку и видит: сидит Чадак-бай у очага, ест жирное мясо, — сало с губ на землю каплет. Одна жена стоит и длинной палкой кислый чегень взбивает. Другая жена стоит и брызгает деревянного идола тёплой аракой.

Поел Чадак-бай, вытер губы пальцами и говорит жёнам:

— Учитесь у меня от всякой вещи барыш получать. Один раз, пока мы чай пили, три стоялых коня поразмялись немного, а за это я отнял у Кураны всё, что он заработал.

Почернел от злости маленький Кулакча, упал он из щели на камни, по каменной россыпи, как сенокос, взбежал на гору, схватил спящую змею, нашёл в сухом валежнике осиное гнездо, отыскал в кустарнике яйцо глухаря, — всё это положил в свой кисет и спустился к айлу. Зарезал лучшую кобылицу и положил кусок лучшего мяса на кошму Чадак-бая. Яйцо закопал в золу. Змею привязал к палке, которая торчала в бочке с чегенем. Осиное гнездо Кулакча воткнул идолу в глаза. Потом поднял тяжёлую железную кувалду, повесил её к косяку двери, а под дверью выкопал чёрную яму. Сам сел на край дымоходного отверстия, ноги свесил и ждёт.

Под утро закашлял Чадак. Открыл глаза. Увидел мясо на кошме и как толкнёт ногой любимую жену:

— Это ты по ночам сало ешь?

— Ты сам этим салом потихоньку лакомишься, — отвечает жена.

От горячего спора захотел Чадак-бай холодного чегеня

испытать. Протянул руку — тут змея как ужалил его! Чадак кинулся к очагу, чтобы головешку взять и змею убить. Только тронул — зола покраснела, а яйцо лопнуло, полетели брызги в глаза.

— Ой, яйик! — захрипел Чадак-бай, склонив голову перед идолом, — Ой-яйик, смерть ли меня чует, добро ли меня ждёт? Окажи помощь.

И толстыми руками он погладил деревянное брюхо идола. От толчка проснулись осы, закружились и попадали на Чадак-бая. Взыл бай. Побежал к двери, об железную кувалду лоб разбил. Закачался и упал в яму.

— Ох, ха-ха, — засмеялся Кулакча. И так сильно смеялся он, что печень от смеха заболела, живот лопнул. Упал Кулакча с дымохода на пол и от пола до дымохода место занял. Крякнул, распрямил крутые плечи, качнул круглой головой.

Большой аил Чадак-бая ему — как шапка. Плотные кошмы Чадак-бая свернулись под пяткой Кулакчи, как зимние листья.

— Помоги из ямы вылезти, — пищит Чадак.

— Как ты моему отцу из беды вылезти помог, так и я тебе помогу, — ответил Кулакча и ушёл.

Кто верхом ехал, слезает с коня — на Кулакчу взглянуть. Пешие в траву ложатся, чтобы спокойнее красоту Кулакчи понять.

Как ягоды черёмухи, чёрные глаза; брови — словно радуга; лицо розовое, как весенний куст маральника.

Против большой горы Кулакча — как другая гора.

А раньше мог на черенок ножа верхом сесть, в чайной чашке, как в аиле, жил.

СТО УМОВ

Встретились журавль с лисой. Опустила лиса голову: — Бедный журавль, у тебя, оказывается, всего две ноги!

Глянул журавль вниз, а у лисы-то — раз, два, три, четыре лапы! От удивления журавль широко разинул свой клюв.

— Ой! — крикнула лиса. — Ой, бедняга-журавль, у тебя ни одного-то зуба нет! А у меня тридцать шесть зубов, сто умов, четыре ноги, два уха и замечательный хвост!

Совсем обиделся журавль. С горя ещё длиннее вытянул свою длинную шею и увидел вдали человека.

— Ай, почтенная лиса, охотник идёт!

Лиса поджала хвост — и юрк в барсучью нору. Журавль — за ней.

Охотник это заметил, подошёл к норе и стал подкапываться.

— Ох, лиса, великая лиса, — заплакал журавль, — охотник сюда лезет! У вас четыре ноги, тридцать шесть зубов, сто умов, придумайте, как нам спастись!

— Сам догадайся. У меня только пятьдесят умов осталось. Охотник всё ближе, ближе...

— О-о-о, лиса, верная моя лиса, у вас четыре ноги, пятьдесят умов, как нам спастись?

— Сам придумай. Мои умы во все стороны бегут.

Охотник прорыл ход, ухватил журавля за длинную ногу и вытянул его из норы.

Крылья у журавля распустились, повисли, глаза — как стеклянные, даже сердце не бьётся.

«Задохся, верно, в норе», — подумал охотник и бросил журавля в сторону.

Ещё немного покопал и видит: пушистый хвост торчком торчит, пушистый хвост дрожмя дрожит.

Ухватился охотник за этот хвост, вытащил лису, убил её, снял шкуру и сунул в свой кожаный арчемак.

«Домой приеду — из лапок сошью шапку. Хвост привяжу на черенок плети, а из спинки выйдет знатный воротник. Пожалуй, и журавля тоже возьму. Будет собакам чем полакомиться».

Обернулся охотник, а журавля-то и нет. Высоко в небе летит он, даже стрелой не достанешь.

Так погибла лиса, у которой было два уха, четыре ноги, тридцать шесть зубов, сто умов.

БРАТ И СЕСТРА

Давным-давно на Алтае жили брат и сестра. Брата звали Барабош-Ару, а сестру — Боролдой-Мерген. Они жили вдвоём в безлюдном лесу. Вот брат собрался на охоту и говорит сестре:

— Ты без меня не жарь печень марала, собольим одеялом не покрывайся, на лесистую гору не ходи.

Прошло семь дней, а брата всё нет. Ещё семь дней прошло, а брата нет и нет. Скучно стало Боролдой-Мерген одной в безлюдном лесу, вот она и подумала: «А что, если я изжарю маралью печень?»

Нанизала Боролдой-Мерген куски печени на палку, воткнула палку в землю, поближе к костру. Сама на соболье одеяло села. Сама не помнит, как уснула. Далеко ли, близко была во сне — неизвестно. Но вот проснулась и видит: из печени пузырится чёрная пена. Буйная пена костёр залила. Испугалась Боролдой-Мерген: «Где ж теперь огня взять? Ведь огниво-то брат с собой увёз».

Побежала она на лесистую гору: людей поискать, у них огня попросить. С вершины высокой горы увидела Боролдой-Мерген в синем небе тонкий, как конский волос, белый дым. Пошла туда. Стоит перед ней маленький, крытый камышом аил. Боролдой-Мерген толкнула дверь и чуть не умерла от страха. В аиле на женской половине лежала старуха: она одно ухо под себя подстелила, а другим ухом, как одеялом, покрылась. Боролдой-Мерген вперёд через порог не может перешагнуть, назад за дверь убежать — нет сил.

— Э-э-э, сестрёночка, дитя моё, — сказала сладким голосом лопухая старуха, — подойди ко мне, я тебе косы заплету!

Вежливая Боролдой-Мерген не смогла отказать старшему. Подошла, опустила голову на костлявые старухины колени.

— Позвольте, — говорит, — бабушка, из вашего костра головешку взять.

Старуха позволила. Обрадовалась Боролдой-Мерген. Прибежала домой, зажгла большой костёр. До неба взвилось жёлтое пламя. «Ну, — думает, — сейчас я опять на гору пойду, чесноку, луку соберу».

Только хотела выйти за дверь, но будто кто держит её, держит, не пускает. Боролдой-Мерген обернулась и видит: едва уловимая глазом, прозрачно тонкая нить висит у неё на подоле. Боролдой-Мерген выхватила нож из-за пояса, отсекала нить и побежала к яркоголубой скале.

— Яркоголубая скала, откройся! Мою жизнь спаси!

Яркоголубая скала отворилась и закрыла девочку. А старуха, наматывая шёлковую нить на палец, шла по долинам, по холмам через реки, сквозь леса. Там, где меж стволами и змее не проползти, пролезала старуха. Она была людоедка, и ей вдруг захотелось съесть Боролдой-Мерген. Вот пришла к аилу брата и сесты. А там нет никого.

— Казан, казан, — запела старуха, — где Боролдой-Мерген?

— Ой, — зазвенел казан, — если б Боролдой-Мерген жива была, я бы холодный здесь не пылился!

Старуха повернулась к костру:

— Огонь, огонь, где Боролдой-Мерген?

— Ой, ох, — вспыхнул костёр, — когда бы Боролдой-Мерген жива была, я белым пеплом не был бы покрыт!

Старуха подошла к постели:

— Кровать, кровать, где Боролдой-Мерген?

— Аааа... — закричала кровать, — умерла наша верная Боролдой-Мерген...

Старуха полезла под кровать. Там валялись зазубренные палки — эдирек. Боролдой-Мерген этими палками всегда мяла, колотила шкуры звериные, кожу конскую.

— Эдирек, эдирек, где Боролдой-Мерген? — спросила старуха.

— Она жива, жива, жива! — застучали эдирек. — Она сюда придёт, нас опять прибьёт. Пойдите, бабушка, к голубой скале.

Старуха прибежала к яркоголубой скале. Опустилась на правое колено, погладила левую косу:

— Скала, скала, выдай мне Боролдой-Мерген!

Но тут как раз пришёл с охоты Барабош-Ару.

Увидела его старуха и сейчас же превратилась в мышь.

Однако у мыши были такие длинные уши, что всякий сразу

узнал бы людоедку. Обернулась она лошадьё, но уши опять её выдали. Тогда старуха превратилась в зайца и убежала в лес.

Барабош-Ару спустил по следу двух серых собак. Спасаясь от псов, все зайцы бежали прямо на охотника. Только один, самый крупный, повернул обратно в лес.

Барабош-Ару прицелился и спустил медную семигранную стрелу. С не человеческим, не звериным криком ушастая старуха упала вверх животом. Из круглой раны стали выходить проглоченные людоедкой люди. Все они подступили к Барабош-Ару. Плача и смеясь, целовали меткого охотника:

— Нам, солнца не знавшим, ты солнце дал! Луны не ведавшим — луну подарил. Будь же ты, Барабош-Ару, как заяц белый, как овца жирный! Сто лет живи, проворным конём владей!

Эти слова заглушили воркотню недовольных. Когда весь народ разбрёлся по густой траве искать себе место для стойбища, Барабош-Ару увидел сестру свою Боролдой-Мерген. От радости брат слова забыл. Нежно ладонями ей щёки отёр и тихо сказал:

— Ыйлаба, сыйным! (Не плачь, сестра!)

МАКТАНЧИК-ТАШ

Была девушка Кыпту-Торко. На ней семь шёлковых халатов: жёлтый до земли, голубой до пят, розовый по щиколотки, а ещё белый, лиловый, зелёный, красный. Короче. Короче. Короче.

Она зимой шубу не носит — скажут: неуклюжая.

Она в сапогах не ходит — скажут: косолапая.

Она замуж не идёт: никто ей не нравится.

Прошёл год. Прошло два. Идёт зима, приходит лето. Семь лет, как семь дней ушло.

Старый сыр лучше молодого, старое седло удобней нового. А старая злюка никому не нужна.

Заплакала Кыпту-Торко — стала доброй, стала ласковой. Пришла к дураку Тенеку:

— Тенек-Киж, женись на мне!

Согласился дурак.

Обрадовался отец. Зарезал тысячу овец.

Едут на свадьбу нарядные гости: шапки из собольих лапок. Шубы крыты чёрным шёлком, воротники из бобровых шкур.

Только отец Тенека сидит в драной овчине.

Обиделась Кыпту-Торко.

— Эй, — говорит, — свёкор, не замёрз ли ты в своей худой шубе?

— Ха, — отвечает свекор, — мне в одной худой шубе теплее, чем тебе в семи шёлковых халатах.

Засмеялась Кыпту-Торко:

— Один шёлковый халат стоит сорок баранов. За семь шёлковых халатов отец двести восемьдесят баранов дал. А твоей шубе овечий хвост цена.

— Всё-таки шуба теплей.

Рассердилась Кыпту-Торко. Поднялась с земли. Руки раскинула. Жёлтый рукав до колен, голубой до пальцев, розовый до кисти. А ещё белый, лиловый, зелёный, красный. Вот как тепло!

— Ладно, — сказал свёкор. — Сядем на коней, поедem к вечно белой горе Белухе. Кто первый коня хлестнёт, тому холодней. Чей конь тише пойдёт, тому теплей.

Согласилась Кыпту-Торко. Сели на коней. Едут по берегу Катуня к горе Белухе. А с горы ветер им навстречу дует. С ледяной горы ледяной ветер. Свёкор свою шубу запахнул.

— Сколько за шубу дашь, уважаемая?

— Овечий хвост.

Едут дальше. Свистит ветер, снег мокрыми хлопьями падает. Свёкор руки за пазуху сунул.

— Сколько дашь за шубу, почтенная?

— Овечий хвост.

Приехали к Белухе. Повернули обратно. Свёкор поводья бросил. А Кыпту-Торко ещё тише едет. На целую лошадь сзади. Ветер, ах! Ой, дует! В кровь треснули губы. Свёкор спрятал бороду в воротник.

— Сколько за шубу дашь?

Молчит Кыпту-Торко.

Подъехали к дому. Вышла мать навстречу.

— Где Кыту-Торко?

Оглянулся свёкор, а Кыту-Торко нет.

Поехали гости по следу, увидели на каменной россыпи Кыту-Торко. Лежит она в семи шёлковых халатах холодным камнем.

Назвали люди этот камень Мактанчик-таш — Хвастливый.

Ну вот! Стоило мучиться, чтоб стать камнем! Ай-яй-яй, всего только камнем, только камнем Мактанчик!

СТРАШНЫЙ ГОСТЬ

Один раз ночью барсук охотился. Посветлел край неба. До солнца к своей норе спешит барсук. Людям не показываясь, прячась от собак, держится, где трава глубже, где земля темнее.

Подошёл барсук к своей норе.

«Бррк, бррк...» — вдруг услышал он непонятный шум.

«Что такое?»

Сон из барсука выскочил. Шерсть поднялась. А сердце чуть рёбра не сломало стуком.

«Я такого шума никогда не слыхивал — «бррк, бррк»... Скорей пойду, таких, как я, когтистых зверей позову, зайсану-медведю¹ скажу. Я один умирать не согласен».

Пошёл барсук всех на Алтае когтистых зверей звать:

— Ой, у меня в норе страшный гость сидит! Кто осмелится со мной пойти?

Собрались звери. Ушами к земле приникли. В самом деле — от шума земля дрожит.

«Брррк, брррк...»

У всех зверей шерсть вверх поднялась.

— Ну, барсук, — сказал медведь, — это твой дом, ты первый туда и лезь.

¹ З а й с а н — родовой старшина.

Барсук оглянулся; большие когтистые звери ему приказывают:

— Иди, иди! Чего стал?

А сами от страха хвосты поджали.

Побоялся барсук главным ходом к себе домой войти. Стал сзади подкапываться. Тяжело скрести каменную землю! Когти стёрлись. Обидно родную нору ломать. Наконец проник барсук в свою спальню. К мягкому моху пробрался. Видит — белеет там что-то. «Бррк, бррк...»

Это, сложив передние лапы поперёк груди, громко храпел белый заяц.

Звери со смеху на ногах не устояли. Покатались по земле.

— Заяц! Вот так заяц! Барсук зайца испугался!

— Стыд свой куда теперь спрячешь?

«В самом деле, — думает барсук, — зачем я стал на весь Алтай кричать?»

Рассердился да как пихнёт зайца:

— Пошёл вон! Кто тебе позволил здесь храпеть?

Проснулся заяц: кругом волки, лисы, рысь, росомахи, сам зайсан-медведь здесь. У зайца глаза круглыми стали. Сам дрожит, словно тальник над бурной рекой. Вымолвить слова не может.

«Ну, будь что будет!»

Приник бедняга к земле — и прыг барсуку в лоб! А со лба, как с холма, опять скок! — и в кусты. От белого заячьего живота побелел лоб у барсука. От задних заячьих лап прошёл белый след по щекам барсука.

Смех зверей ещё звонче стал.

«Чего они радуются?» — не может барсук понять.

— Ой, барсук, лоб и щёки пощупай! Какой ты красивый стал!

Барсук погладил морду — белый пушистый ворс пристал к когтям. Увидав это, барсук пошёл жаловаться медведю.

— Кланяюсь вам до земли, дедушка медведь-зайсан! Сам дома не был, гостей не звал. Храп услышав, испугался. Сколько зверей я из-за этого храпа беспокоил! Сам свой дом из-за него сломал. Теперь видите: голова и челюсти побелели. А виноватый без оглядки убежал. Это дело рассудите.

Взглянул медведь на барсука. Отошёл подальше — ещё раз посмотрел да как рявкнет:

— Ты ещё жалуешься? Твоя рожа раньше, как земля, чёрная была, а теперь твоей белизне даже люди позавидуют. Обидно, что не я на том месте стоял, что не моё лицо заяц выбелил. Вот это жаль! Вот это в самом деле очень жаль!

И, горько вздыхая, побрёл медведь в свой тёплый, сухой аил.

А барсук так и остался жить с белой полосой на лбу и на щеках. Говорят, что он привык к этим отметинам и даже очень часто хвастает:

— Вот как заяц для меня постарался! Мы теперь с ним на веки вечные друзьями стали.

ПРО СОРОКУ

Выбрали птицы павлина в зайсаны. Павлин широко раскрыл сияющий хвост. На шапке золотые кисти. Настоящий зайсан! Стали птицы ему жену искать. От куропатки, от кедровки, от синицы, ото всех отказался павлин: синица мала, куропатка плохо летает, кедровка худа, кукушка печально кукует...

Понравилась ему только сорока — она весёлая.

После свадьбы павлин выщипал из своей груди темнозелёные перья и положил их сороке на спину и на хвост. Заважничала сорока. Ничего не делает. Сидит — перебирает новые перья. Летит — новыми перьями блещет. Утром чуть свет выскочит из гнезда, и нет её до ночи.

— Куда ты спешишь, сорока? — спрашивает её павлин.

— Куда хочу.

— Где ты была, сорока?

— Где хотела.

Рассердился павлин. Ещё затемно, пока сорока спала, он тихо слетел с гнезда и спрятался за кустом акации. Утром сорока распахнула свою крытую чёрным шёлком шубу и полетела, сверкая белой оторочкой.

Павлин — за ней. Они прилетели к жилью человека. Сорока тут же спустилась на помойку и стала клевать отбросы.

— Как тебе не стыдно?! — крикнул павлин. — Сейчас же лети домой!

А сорока даже не оборачивается: клюёт да клюёт.

Подлетел к ней павлин, стукнул её клювом по голове.

— Больше, — говорит, — ты мне не жена!

С тех пор, роясь в отбросах, сорока всё головой вертит и детей своих учит:

— Один раз клюнь, а пять раз оглянись — не то павлин прилетит, по голове стукнет.

Крепко помнят это сорочьи дети. Клюнут раз — и обернутся. Клюнут — и вокруг поглядят.

ДЯДЯ МЕДВЕДЬ

На холмистом Алтае жил когда-то в белом дворце Ер-Боко-Каан. Глаза у него запухли, будто веки пчела ужалила. Лицо серое, как лошадиная селезёнка. Когда Ер-Боко-Каан стоял, он всегда одной рукой усы гладил, другой в бок упирался. Зимой Ер-Боко-Каана мороз не ушибнёт. Летом дождь на него не капнет. Бока его на мягком мехе нежатся. Губы лоснятся от жирной еды.

Вот раз вызвал Ер-Боко-Каан самых славных богатырей и говорит:

— У истока семи рек, где семь гор из одного подола поднялись, на глубине семидесяти сажен есть каменная пещера. В той пещере живёт большой медведь: он спереди жёлтый, а сзади чёрный. Этот медведь над медведями хан. Изловите его, пригоните к моему дворцу. Пусть хан-медведь сидит у меня на цепи, как собака. Я один хочу ханом быть.

Вздрогнули могучие богатыри. Их бронзовые доспехи зазвенели, как листья в осиновом лесу. Пятясь, вышли из белого дворца.

Много месяцев бродили они по горам, скитались в лесах —

медведя не нашли. Повернули коней, едут обратно. Впереди них малые дети без шапок идут, за ними старики в длинных шубах. Пришли ко дворцу, как один на землю пали:

— Великий хан, зайсана-медведя никак не поймать!

В гневе Ер-Бoko-Каан, подобно небу, загремел. Как железо, засверкал. Распахнул золотую дверь, ногу на порог занёс и споткнулся. Ему под ноги попал мальчик-раб, по прозвищу Чичкан-мышь. Две любимые жены подхватили Ер-Бoko-Каана под обе руки. Два свирепых палача схватили Чичкана за ноги.

— Всесильный хан! — крикнул мальчик. — Убить меня всегда успеете. Позвольте сначала — приведу вам большого медведя.

Ер-Бoko-Каан посмотрел в темнокарие глаза Чичкана. Ростом сирота Чичкан был невелик. Однако плечи широкие. Ноги будто из бронзы.

— Обманешь меня, мышонок, — в котёл тебя кину. Твою кровь выпью, твоё мясо искрошу, твои кости растолку.

Где стоял Чичкан, там уж нет его. Он ушёл к семи горам, к истоку семи рек, к той пещере, что лежит на глубине семидесяти сажен.

Назад пути у него не было. В сторону Чичкан боялся посмотреть.

От голода упал он на камни и видит: висят на скале, будто слёзы, прозрачные капли росы.

Чичкан открыл рот. Две росинки упали ему на язык. И сразу два голоса услышал Чичкан:

— Карр! Карр! Что ты тут делаешь, брат мой?

— Крр! Крр! Я человека сторожу. Смерти его жду. Хочу глаза его выклевать.

— Карр! Зачем время терять? Лети-ка лучше на болото — там жеребёнок увяз. Лошадь умрёт раньше человека.

— Крры, крры! Этот человек почти мёртвый.

Один ворон улетел, другой остался.

«Кто научил меня птиц понимать?» — удивляется Чичкан.

Смерть была от него совсем близко, а теперь он уже голову поднимает, на ноги встаёт.

— Ах, карр! — вздохнул ворон. — Прав был мой брат. Этот человек не скоро умрёт.

От огорчения лопнуло сердце у ворона, и он упал мёртвый к ногам Чичкана.

Чичкан поднялся на гору и увидел: чёрным дымом бушует лесной пожар.

— Бл, бл, бл, горю! — кричал маленький медвежонок.

Чичкан подхватил медвежонка на руки и вынес его из огня.

— Хм-кха... — всхлипнул малыш. — Ты меня от смерти спас. Я теперь тебя всегда уважать буду.

И медвежонок вперевалку побежал домой.

Чичкан пошёл дальше.

— И го-горе! И го-оре! — кричал увязший в болоте жеребёнок.

Чичкан схватил его за гриву и вытянул из трясины.

— Карр! — застонало где-то в небе. — Карр, эта лошадь не скоро умрёт.

Чичкан положил на шею жеребёнку свою тёплую ладонь, и они пошли вдвоём к истоку семи рек, к семи горам. Вдруг из-за гор вышли со страшными песнями мохнатые, как тучи, медведи. Дрогнул, захрапел жеребёнок, но Чичкан железными пальцами крепко держал его за холку.

— Не бойся, друг. Видишь, у каждого медведя в лапе поднос с едой, ташаур с аракой.

Впереди всех медленно шагал большой зверь. Его лапы толще колодника. Голова — как обгорелый пень. На его спину десять медведей могли бы лечь. Шерсть у великана спереди, как день. Жёлтая, сзади — чёрная, как ночь. Все медведи шли на задних лапах, а этот шагал на всех четырёх. Он подошёл к Чичкану совсем близко, согнул правую переднюю лапу, потом тихо поднял свою большую голову и ласково сказал:

— Ты для меня — как утреннее солнце, как вечерняя луна. Ты из огня моего сына спас. Ешь и пей, что нравится. Проси и требуй, чего хочешь.

— Я ещё не достигший мужского возраста мальчик, — ответил Чичкан, — араку пить не смею. Принять подарка не могу. Меня к вам послал Ер-Боко-Каан. Он один на земле хочет ханом быть. Вас приказал он пригнать ко дворцу и на цепь посадить, как собаку.

У медведей на густых ресницах повисли слёзы.

— Не дадим! Пойдём войной на Ер-Бoko-Каана!

Большой медведь высоко поднял переднюю лапу. Все медведи, как один, замолкли. Большой медведь опустил свою лапу на плечо Чичкана:

— Я хочу исполнить просьбу мальчика.

Ничего не сказали медведи. Выпили с горя всю араку. съели всё угощение и, пьяные, разбрелись по лесу.

Большой медведь двинулся ко дворцу. За ним трусит гнедой жеребёнок. За жеребёнком плетётся Чичкан. Много рек перебрали. Много гор перевалили. Чичкан всё чаще спотыкается, всё дальше отстаёт.

— Сядь ко мне на спину, малыш, — сказал медведь.

Мальчик взобрался по лапе медведя, как по стволу дерева, лёг ему на спину в мягкую шерсть.

Медведь бежал быстрее воды. Легче ветра мчался жеребёнок.

— Ох, как меня комары заели! — простонал большой медведь.

Чичкан сломил берёзовый прут и, отгоняя комаров, стал kloпать зверя по морде и по голове. Так прибыли к пастбищам хана Ер-Бoko-Каана.

— Ммаш, ммаш! — рявкнул медведь.

Скот с диким рёвом убежал в горы. Люди попрятались в айлы. Ремёнными арканами прикрутили двери к железным скобам.

Свирепые псы, дрожа и скуля, заползли под колодник.

Сердце у Ер-Бoko-Каана чуть не треснуло. Вспотел он от страха.

— Ммааш! Ммааш!

Ер-Бoko-Каан кинулся под кровать, его жёны влезли в сундуки.

— Эй, большой хан! — запел мышонок. — Ваш приказ исполнен.

— Ммааш, маш, маш! — подхватил медведь.

Ер-Бoko-Каан выполз из-под кровати, семь раз вокруг костра обежал, не знает, как спастись.

— Маа-маш! — рычит медведь.

— Ой, Чичкан, зачем ты привёл сумасшедшего зверя? Мне бешеный медведь совсем не нужен, уведи его скорей!

Чичкан поднял нос повыше и говорит:

— Сначала велют медведя ко дворцу тащить, теперь приказывают в пещеру гнать.

— Милый, верный сынок мой Чичкан, я тебе полцарства дам — только уведи!

Чичкан слез с медведя.

— До свиданья, мой друг, — сказал спереди жёлтый, сзади чёрный хан-медведь.

И пошёл он к истоку семи рек, к семи горам, в свою глубокую пещеру. А Чичкана Ер-Боко-Каан во дворец позвал. Сам Ер-Боко-Каан боялся за дверь выйти. В открытом поле говорить с Чичканом не посмел.

А у мальчика колени трясутся, зубы стучат, словно семя конопли в раскалённом чугуने. Взгляда не смеет от земли поднять.

— Не бойся, сынок, — сладким голосом просит Ер-Боко-Каан, — я твою долю из моего хозяйства выделить хочу. Что дать тебе, дитя, не знаю.

Во дворце на полу жарко трещал большой костёр. Против костра лежала овца. Она лизала шершавым языком только что родившегося ягнёнка. Нагнулся Чичкан, ягнёнка ладонями поднял, в глаза поцеловал.

Обрадовался Ер-Боко-Каан.

— Помни, Чичкан: сам ты этого ягнёнка выбрал. Больше у меня ничего не проси, иди куда хочешь.

До земли поклонился Чичкан. Зацепил волосяным арканом своего ягнёнка, надел узду гнедому и пошёл искать себе новое стойбище.

Семь дней все трое шли ровно, на восьмой ягнёнок высунул розовый язык. Живот часто-часто бьётся. Глаза помутнели.

— Не можешь итти? — усмехнулся Чичкан и обхватил ягнёнка левой рукой. Потом и правой обнял, но маленького ягнёнка поднять невозможно. Его копыта до бабок в землю вошли. Чичкан обвязал ягнёнка ремнём, сам в этот ремень впрягся и гнедого впряг. Рванулись они вперёд, аркан лопнул, гнедой перекувыркнулся. Чичкан упал, а ягнёнок стоит.

— Ме-е! — смеётся он. — Стыд какой! Ме-е! Один скоро мужчиной будет, другой уже конём стал, а ягнёнка вдвоём не могут поднять.

От стыда Чичкан бросил шапку наземь, сам лицом в шапку упал. Сколько ночей, сколько дней спал, не помнит. Когда проснулся, сам себя не узнал. Вместо кожного тулупа с девяносто девятью заплатами на нём красная шёлковая шуба. Вместо дырявых кисов — красные монгольские сапоги. Под головой у Чичкана чёрный бобровый мех. Одеяло из красных лисьих шкур. Постель покрыта шкурой волка. Белая, как сахар, кошма натянута на белые берёзовые колья.

Чичкан вышел из своего аила: против двери золотая коновязь. У коновязи гнедой конь. Сбруя шита жемчугом. Седло отделано бронзой. Направо посмотрел Чичкан — долина будто снегом заметена: столько там белых овец. Налево взглянул — красные табуны на холмах стоят.

Чичкан по-богатырски закричал, по-орлиному заклекотал. Приложил к губам железный комус¹, густую песню через все долины протянул. Двухструнный топшур¹ взял, и лёгкая песня по лесам разлилась. Эту песню услышали пастухи Ер-Бoko-Каана, подъехали поближе, увидели неисчислимые стада и сейчас же доложили об этом хану.

Ер-Бoko-Каан, как река, забурился, как лёд, затрещал. Сел на каурого коня, поднялся на вершину горы и горько-ядовито крикнул:

— У коровы длинный хвост, только шерсть на нём короткая. Богатый человек в эту долину скачывал, да не жить ему здесь. Перед завтрашним солнцем мой отцовский лук покажет свою меткость. Матерью рождённые руки свою силу попробуют.

Заплакал сирота Чичкан: он никогда не держал в руках лука, воевать нигде не учился.

Эхо его плача ещё не утихло, а большой медведь уже здесь.

— Не горюй, сирота! Возьми свой стальной нож. Из гибких ветвей натяни тугие луки, стрелы из орешника режь. Стволы пихт годятся на копьё.

¹ Комус и топшур — музыкальные инструменты.

Как медведь голову повернул, видел Чичкан, а куда ушёл медведь, Чичкан не заметил. Он сел под кедр и стал строгать пики, луки, стрелы. У него каждая ветка в дело шла: были копыя — как столбы, и пики — всего с большой палец; луки — как сопки, и луки — с ладонь.

Утром пришёл большой медведь. За медведем — маленькие сурки в жёлтых дохах. За сурками шли барсуки в шубах из серого меха. За барсуками — росомахи; эти надели что похуже, потому что не знали, куда попадут. За росомахами двигались в бурых тулупах большие медведи.

Самые мелкие пики и луки пришлись впору суркам, оружие покрупней расхватили барсуки. Росомахи долго спорили, кому что брать, потом все разом вцепились в луки. Тяжёлые копыя медведи легко подняли.

— Ложись! — приказал большой медведь.

Впереди всех залегли сурки. За сурками повалились барсуки. За барсуками — росомахи. За росомахами — медведи. На одном конце войска чёрно-жёлтый большой медведь стоит. С другого — Чичкан-мышонок верхом на темногнедом коне встал.

В далёком краю неба показалась полоса зари. Из серой долины двинулся к чёрной горе Ер-Боко-Каан со всем своим войском. Большой медведь дал ему совсем близко подойти да как рывкнет:

— Э-э мааш!

Все звери, как один, встали. Все, как один, подняли пики. Ер-Боко-Каан едва успел коня осадить: перед ним пики — как частый лес. Глаза зверей синим пламенем горят. Дыхание растилается, словно густой туман.

— Э-э мааш, кондутеер! — приказал медведь.

Вскрикнули сурки. Захрюкали барсуки. Росомахи фыркнули. Медведи, как гром, рычат.

— Ойто кайрааа! — взвизгнул Ер-Боко-Каан. — Назад, назад!

И, не помня себя, он первый повернул повод коня. За ним побежали богатыри и силачи.

Реки выходили из берегов, когда это войско бродом шло. Камни в горах рассыпались, как зола. Все цветы в долинах увя-

ли. Ер-Боко-Каан сам не заметил, как своими пятками белый дворец, всё добро своё в пыль столोक.

Вот как быстро бежал Ер-Боко-Каан от сурков и от барсуков! Бег его ни скалы, ни моря остановить не могли.

К какому краю земли отступил Ер-Боко-Каан, никто не знает. Пришёл ли ум к нему обратно, этого тоже нам не могли сказать. Даже имя Ер-Боко-Каана на Алтае давно позабыто.

Зато хорошо помнят люди, как большой медведь помог сироте Чичкану. В память той дружбы алтайцы считают медведя старшим братом человека. Никогда его имени просто не назовут, а всегда с уважением медведя Абаай — дядей — зовут.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Теперь летучая мышь только ночами летает. А было время — она летала и днём.

Летит она как-то, а навстречу — ястреб.

— Однако, — говорит, — почтенная, я тебя три года ищу.

— Зачем же вы меня ищете?

— Все птицы свою дань давно уплатили, ты одна в долгу.

— Я? — удивилась летучая мышь. — Да разве я птица?

Спустилась в траву и побежала.

«В самом деле, — подумал ястреб, — это зверь».

Прибежала летучая мышь к холмам, где частые сосны растут, а навстречу ей серебряная лиса.

— Добрый день, уважаемая! Я тебя седьмой год ищу.

— Зачем же вы меня ищете?

— Все звери мне подать уплатили, только с тебя ещё причитается.

— С меня? — удивилась летучая мышь. — Да разве я зверь?

Расправила крылья и улетела.

«В самом деле, — подумала лиса, — это птица».

С того времени, боясь лисы, летучая мышь бегать совсем перестала: от страха у неё ноги отсохли. И летать днём она тоже не смеет — ястреба опасается.

ЖАДНЫЙ ГЛУХАРЬ

Поздней осенью прилетели птицы на опушку леса. Пора им в тёплые края. Семь суток собирались, друг с другом перекалились.

— Все ли тут? Тут ли все? Все иль нет?

Оказывается, глухаря не хватает. Стукнул беркут своим горбатым носом по сухой ветке, стукнул ещё раз и приказал молодой тетёрке позвать глухаря. Свистя крыльями, прилетела тетёрка в чащу леса. Видит — глухарь на кедре сидит, орехи из шишек лушит.

— Уважаемый глухарь! Мы все хотим в тёплые края. Вас одного уже семь суток ждём.

— Ну-ну, не болтайте зря! В тёплую землю лететь не к спеху. Сколько ещё здесь орехов осталось! Неужели всё это надо бросить?

Тетёрка вернулась на опушку леса.

— Глухарь, — говорит она, — орехи ест, улетать не торопится.

Послал тогда беркут быстрого ястреба. Закружил ястреб над большим кедром. А глухарь всё сидит, клювом скрипит. Орехи из шишек выбирает.

— Ой, глухарь, тебя птицы четырнадцать суток ждут! Пора в тёплые края лететь.

— Нечего, нечего торопиться, — проскрипел глухарь. — Успеем. Перед дорогой надо покушать.

Рассердился беркут и впереди всех птиц полетел в тёплые земли.

А глухарь ещё семь дней орехи выбирал. На восьмой вздохнул он, клюв о перья почистил.

«Нет, видно, не хватит у меня сил всё это съесть. Придётся белкам оставить».

И он полетел на опушку леса.

Что такое?

У кедров ветки голыми прутьями машут. Это птицы две недели глухаря ждали, всю хвою склевали. Подножья деревьев

белые, как снегом заметённые, стоят. Это птицы, глухаря поджидая, перья свои чистили.

Горько заплакал, заскрипел глухарь:

— Из всех птиц только я в лесу остался! Как же я буду один зимовать?

От слёз покраснели у глухаря брови.

С тех пор все дети его, и внуки, и племянники, эту историю слушая, горько плачут. И у всех детей глухаря, и у внуков, и у племянников брови, как рябина, красные.

КАБАРГА-ЛАКОМКА

У опушки чёрного леса, на берегу быстрой реки, возле богатых лиственниц жили дед и бабушка. Они под старость, точно зайцы к зиме, совсем побелели.

Никого, ничего у них не было, только одна синяя корова. Старик ночами сказки сказывал, песни пел. Старуха шкуры звериные разминала, слушала. И так эти сказки гладко текли, что из полусонного чёрного леса, с высоких камней чуткая кабарга прибегала слушать. Свет костра белел на её длинных клыках. Всю ночь слушала.

Но вот раз и днём кабарга не утерпела. Осторожно, тонкими ногами перебирая, спустилась к шалашу. У шалаша стоял полный казан молока. Кабарга опустила морду в казан, половину молока выпила.

Вернулась старуха домой.

— Шестьдесят лет под этим шалашом живём — воров не было. Кто молоко выпил?

От стыда убежала кабарга, поднялась на скалы. Здесь крылатой птице негде сесть. Сюда когтистым зверям не вскарабкаться.

А утром кабарга, соскучившись по молоку, пришла лёгким шагом к шалашу. Опять молоко выпила и унеслась.

Рассердились старики, воткнули в землю три высоких ко-

ла и подняли тяжёлый казан. Наутро прибежала кабарга, губами пожевала.

— Бшшш... — головой повела. — Пшш! Меня испугались—молоко повыше подняли.

Стукнула передними копытами — казан качнулся и выплеснул молоко кабарге на спину.

Покрылась серая спина молочными пятнами. Сколько по земле каталась кабарга, сколько о камни тёрлась, белые пятна стереть нельзя.

Стыдясь этой отметины, кабарга теперь к серым камням жмётся, в непроходимой чаще леса прячется. Чтоб пугливую кабаргу настичь, должен охотник сказку рассказать, песню спеть. Не вытерпит чуткая кабарга, выйдет, поставит уши и слушает.

Вот тут-то и стреляют её.

ДИЛЬ-КЕЛЬ

Это было очень давно, когда все птицы жили в тёплых землях. На Алтае щебетали только реки. Эту песню воды слышали южные птицы и захотели узнать, кто так громко звенит, так весело поёт, какая радость случилась в Алтае.

Однако лететь в неизвестный край было очень страшно. Напрасно уговаривал беркут своих соколов и ястребов, сов и кукушек. Из всех птиц только синичка осмелилась пуститься на север.

— Слушай! — крикнул ей беркут. — Если там хорошо, сейчас же вернись и покажи всем птицам дорогу!

Синица, выпрямив крылья, улетела.

Вот увидела она холмистые горы. Алтай стоял розовый, как вечер. Синица спустилась с неба в цветущий куст маральника. Из туч падали хлопья снега, но маральник цвёл и цвёл так обильно, что из-за розовых лепестков не видно было ни листьев, ни веток.

Синица глянула вниз. Весь снег на Алтае был в цвету.

Светложёлтые и синие цветы стояли мохнатые, как медвежата. Синице захотелось есть, и она тут же, в снегу, нашла прошлогоднее зёрнышко, а рядом валялась высохшая ягода, а ещё дальше копошился червяк.

Ум заиграл у синицы, голова лёгкая стала. Она забыла, зачем сюда летела, кто её послал. Где родилась, и то не помнит. Вдруг почернело небо. Синица увидела птичье войско. Впереди всех летел грозный беркут.

— Диль-кель! Диль-кель! — крикнула синица. — Весна, приди! Весна, приди!

А беркут уже кружит над ней.

— Почему обратно не вернулась? Зачем нас в этот край не позвала?

— Кланяюсь вам до земли, великий беркут! В этом краю лёд в семь рядов лежит. Снег из семидесяти туч падает. Я тут сижу, изо всех сил весну вызываю: «Диль-кель! Диль-кель! Весна, приди! Весна, приди!» Это по моей просьбе тёплый ветер подул. Диль-кель! Диль-кель! Я только что за вами лететь собиралась. Весна, приди! Весна, приди!

Беркут опустил на ветку, поднял вверх крыло и через крыло посмотрел на Алтай: занесённые снегом, стояли горы; снег лежал в долинах.

— Диль-кель! Диль-кель! — кричала синица.

И там, где слышалась эта песня, снег в самом деле съёжился и стекал ручьями.

— На этот раз я прощаю тебя, — сказал беркут синице. — В будущем году видно будет, правду ли ты говоришь.

С тех пор, чтобы обман не раскрылся, синица раньше всех начинает весеннюю песнь:

«Диль-кель! Диль-кель! Весна, приди! Весна, приди!»

А за ней запевают и другие птицы.

ГОРНОСТАЙ И ЗАЯЦ

Раз зимней ночью притаился горноста́й под кустарником, сидит, мышей караулит. И вдруг словно гора ему на спину свалилась. Ногами горностаю не за что ухватиться, от страха земля

из-под ног ушла. Не взвидев света, он обернулся и вцепился зубами в гору.

— А-а-а!.. — раздался страшный крик, плач, стон, и тяжесть свалилась со спины.

И горноста́й разглядел раненого зайца. Задняя нога до кости прокушена, на белый снег красная кровь течёт. Плачет заяц, рыдает:

— Никогда я тебе не прощу, горноста́й! Я нечаянно тебе на спину упал!

— Ой, заяц, я нечаянно вас укусил! — отвечает горноста́й.

— А-а-а, а-а-а... Всё равно не прощу! — И заяц на трёх ногах в лес уполз.

Ещё месяца не прошло, а горноста́й уже получил из леса письменный приказ: «В мой аил на суд сейчас же явитесь. Зайсан здешнего леса Темнобурый Медведь».

Круглое сердце у горноста́й стукнуло. Маленькие косточки со страха гнутся. Робко-робко входит он в большой аил. А там, рядом с хозяином, сидит весь, до самых глаз, забинтованный заяц.

Медведь поднял пушистые ресницы и красножёлтыми глазами на горноста́й смотрит.

— Ты как смеешь кусаться?

Горноста́й — точно немой, только губами шевелит. Сердце в груди совсем не помещается.

— Я... я... охотился, — еле слышно прошептал он.

— На кого охотился?

— Мне хотелось мышь поймать, за птицами погоняться.

— Это правда: мыши и птицы — твоя пища, — сказал медведь, — а зайца зачем укусил?

— Он на меня сзади свалился. Я его в лицо не узнал. У зайца голова зимой, как снег, белая.

— Это правда, — сказал медведь, почесал лапой нос и повернулся к зайцу. — А ты зачем горноста́ю на спину прыгнул?

— Я его со спины не узнал, — всхлипнул заяц. — У него зимой спина белее снега.

— И это тоже правда.

Долго молчал угрюмый медведь. Перед ним жарко трещал большой костёр. Над костром — золотой котёл с семью брон-

зовыми ушками. Этот свой любимый котёл медведь никогда не чистил. Он боялся, что вместе с грязью счастье уйдёт. И золотой котёл был сажей в сто слоёв покрыт. Долго думал мудрый медведь, потом потёр свою лапу о закопчённый котёл и вычернил зайцу уши:

— Теперь ты, горноста́й, всегда зайца в лицо узнаешь.

Ещё раз потёр лапу и вымазал сажей горностаю хвост:

— И ты, заяц, спину этого малыша по чёрному хвосту всегда отличишь.

Вот с тех самых пор зайцы с горноста́ями никогда не становятся.

МЫШЬ И ВЕРБЛЮД

В году двенадцать месяцев, у каждого месяца своё название. А прежде, давным-давно, у каждого года из двенадцати тоже было своё имя: год Зайца, Коня, Коровы, Кабана...

Только не было года Верблюда и не было года Мыши.

— Хочется, чтоб в честь меня назвали хоть какой-нибудь, хоть самый последний год, — сказала мышь.

— И я-а-а! — заорал верблюд. — И я хочу! — Потом он оттопырил нижнюю губу и покосился на мышь: — Кто из нас первый заметит восход солнца, пусть тот и даст имя году.

Мышь согласилась.

Верблюд тут же повернулся мордой к востоку и уставился в небо. Стоит, смотрит, даже мигнуть боится. Долго стоял, потом плюнул и лёг.

— Всё равно я увижу солнце раньше, чем его увидит мышь. Моя шея куда длиннее, голова выше.

Уж полночь. Мышь около верблюда — как напёрсток рядом с котлом.

— Я до утра не доживу, — плачет мышь. — Тут горностаем пахнет. Сова сидит сторожит. Лиса бегаёт. Милый верблюд, позвольте влезть к вам на задний горб.

Верблюд оглянулся: горб куда ниже головы.

— Ну, ладно, садись. Только не смей смотреть на восток. Смотри на запад.

Осторожно, чтобы не рассердить верблюда, мышь взобралась к нему на задний горб и повернулась к западу.

Им обоим эта ночь показалась очень длинной. Вот заалел восточный край неба. Верблюд вытянул шею, задрал голову. «Сейчас, — думает, — я первый увижу солнце».

— Ой, солнце, солнце! — пискнула мышь.

— Солнце на западе? — фыркнул верблюд и обернулся.

Как великан без рубахи, стояла западная гора, освещённая первым утренним лучом.

Так один год из двенадцати стал называться годом Мыши.

Не удивляйся, когда тяжело нагруженный верблюд вдруг побежит рысью и запрыгает, будто горный козёл: это он увидел мышь и гонится за ней, чтобы убить. Ни один верблюд не может спокойно на мышь смотреть за то, что она первая увидела солнце.

СКУПАЯ ЛЯГУШКА

Жила-была лягушка. Вот раз она вышла из своего дома из круглого озера. И прыг-прыг — пошла гулять. Прыг-прыг — и дорогу домой потеряла.

А тут ещё, на беду, попала она на муравьиную тропу. Муравьи десятками взбежали ей на спину. Сотнями вцепились ей в живот.

— Ой, — заплакала лягушка, — ай! Как вам не стыдно заблудившегося кусать, у голодного кровь сосать?!

Муравьям в самом деле стало очень стыдно. Низко поклонились они ей и говорят:

— Уважаемая лягушка! Пожалуйте к нам в гости — пищу нашу кушать, мёд пить.

Лягушка согласилась. Что ела, не помнит. Какую беседу за столом вела, сама не поняла. На чём спала, и то не знает. Так много она мёду выпила — совсем пьяная была.

Утром проснулась и просит одного муравья:

— Пожалуйста, влезь на эту лиственницу, посмотри, в какой стороне мой дом.

Муравей влез на дерево и говорит:

— Вон там на западе блестит озеро. Хотите, покажу вам короткую дорогу?

— Ах, какой ты добрый! — обрадовалась лягушка. — Пойдём, пойдём. Я тебя за это хорошо угощу.

— Нет, — отвечает муравей, — я один угощаться не согласен. Мы все вас вчера поили-кормили. Сегодня, если хотите, тоже нас всех позовите. Мы народ дружный. Ни работать, ни отдыхать врозь не умеем.

И лягушка позвала всех муравьёв к себе в гости. Вот она прыг-прыг — как зелёный камушек, а муравьи за ней ручьём текут.

Все, все, сколько их было в этом муравейнике, и в том, и в третьем, и в десятом, и в тысячном, — все муравьи из леса к лягушке в гости идут.

Пришли к озеру. А лягушка и говорит:

— Вы, муравьи, здесь постойте, я сейчас пойду распоряжусь насчёт угощения, — и бултых в воду.

Муравьи день стоят, два дня стоят — однако лягушки всё нет.

На седьмой день рассердилась муравьиная матка.

— Ну, — говорит, — лягушкиного угощенья ждать — с голоду умрёшь!

Подтянула она потуже свой пояс и пошла домой. И все муравьи затаили свои пояса и отправились восвояси.

Так с тех пор и поныне ходят муравьи с брюшком, перетянутым туго-натуго.

Это они с того случая всё ещё не отъелись.

НАРЯДНЫЙ БУРУНДУК

Жил на Алтае старый большой медведь. Его любимая еда — кедровый орех. Брал он орехи только с одного кедра. Толстый кедр, в шесть обхватов. Ветки частые. Хвоя шёлковая.

Сквозь неё никогда дождь не каплет. Издали посмотришь — будто десять кедров из одного корня выросло. Это дерево старый большой медведь от зверей и людей заботливо охранял. Хорошо жилось медведю подле ветвистого кедра.

Но вот однажды пришёл медведь, а у толстого кедра орехов нет. Ходил медведь вокруг, глазам своим не верил. Уцепился за ветви — будто свинец к пояснице привязан.

«Долго не евши, разве так отяжелеешь? Видно, состарился я».

Согнулись ветви кедра от тяжести медведя, чуть-чуть не треснули. На вершину кедра вскарабкался старик, каждую веточку осмотрел. Нет орехов.

На другой год пришёл медведь — орехов всё нет. На третий год — опять пусто.

Посмотрел большой медведь на свою бурую мохнатую шерсть: как огнём опалённая, пожелтела.

«Э-э-э, ма-а-аш, как я похудел!»

Двинулся медведь сквозь частый лес искать себе пропитания. Бурную реку перебродил, каменными россыпями шагал, по зелёной шёлковой мураве ступал. Сколько зверей встречалось ему, даже глазом не повёл.

— Брык-брык, сык-сык! — вдруг закричал бурундук, испугавшись большого медведя.

Медведь остановился. Поднял переднюю лапу, шагнуть хотел и, не опустив её, не дыша, остановился...

«Э-э-э... ма-а-аш, как же я забыл?.. Бурундук очень старательный хозяин. Он на три года вперёд запасается. Погоди, погоди, погоди! Надо нору его раскопать: у него закрома никогда пустыми не стоят».

И пошёл нюхать. И нашёл. Не легко старому твёрдую землю копать. Вот корень. Зубами грызть — зубы не берут. Лапами тащить — силы нет. Медведь размахнулся: рраз! — сосна упала. Медведь размахнулся: два! — берёза повалилась. Услыхал эту возню бурундук и ум потерял. Сердце изо рта выскочить хочет. Передними лапами рот зажал, из глаз ключом слёзы бьют. «Такого большого медведя заметив, зачем я крикнул? Рот мой, разорвись!»

Кое-как на дне норы, в сторонке, выцарапал бурундук ям-

ку и спрятался туда. Медведь наконец-то перегрыз корень, просунул лапу — один орех нашёл. «Э-э-э... ма-а-аш, сказал же я: бурундук запасливый хозяин».

Морда медведя посветлела. От радости слеза блеснула. Дальше полез лапой — ещё больше орехов нашёл. Обрадовался медведь:

«Э-э-э... ма-а-аш, ещё поживу, видно! Этого милого бурундука как же я поблагодарю? Чем отдарю?»

Отощавший желудок медведя наполнился. Утомлённое тело лёгким стало. Шерсть светится, как золотая. Большой медведь оглянулся, себя пощупал: бурундуку подарить нечего. «Стыд будет мне, если, чужую пищу съев, спасибо не скажу. Где же этот милый бурундук?»

Посмотрел кругом — бурундука не видит.

Медведь заглянул в норку, увидел ямку, хвост бурундука над ней торчком стоит.

— Э-э-э... ма-а-аш... Хозяин-то, оказывается, здесь. Благодарю! Пусть ваши закрома пустыми не стоят. Вы такой добрый, будьте всегда счастливым. Позвольте вашу честную лапу от души пожать!

Протянул медведь бурундуку правую руку, но бурундук медвежьего языка не понимает. Увидав над собой чёрную лапу, закричал:

— Брык-брык, сук-сук! — и скок из норы.

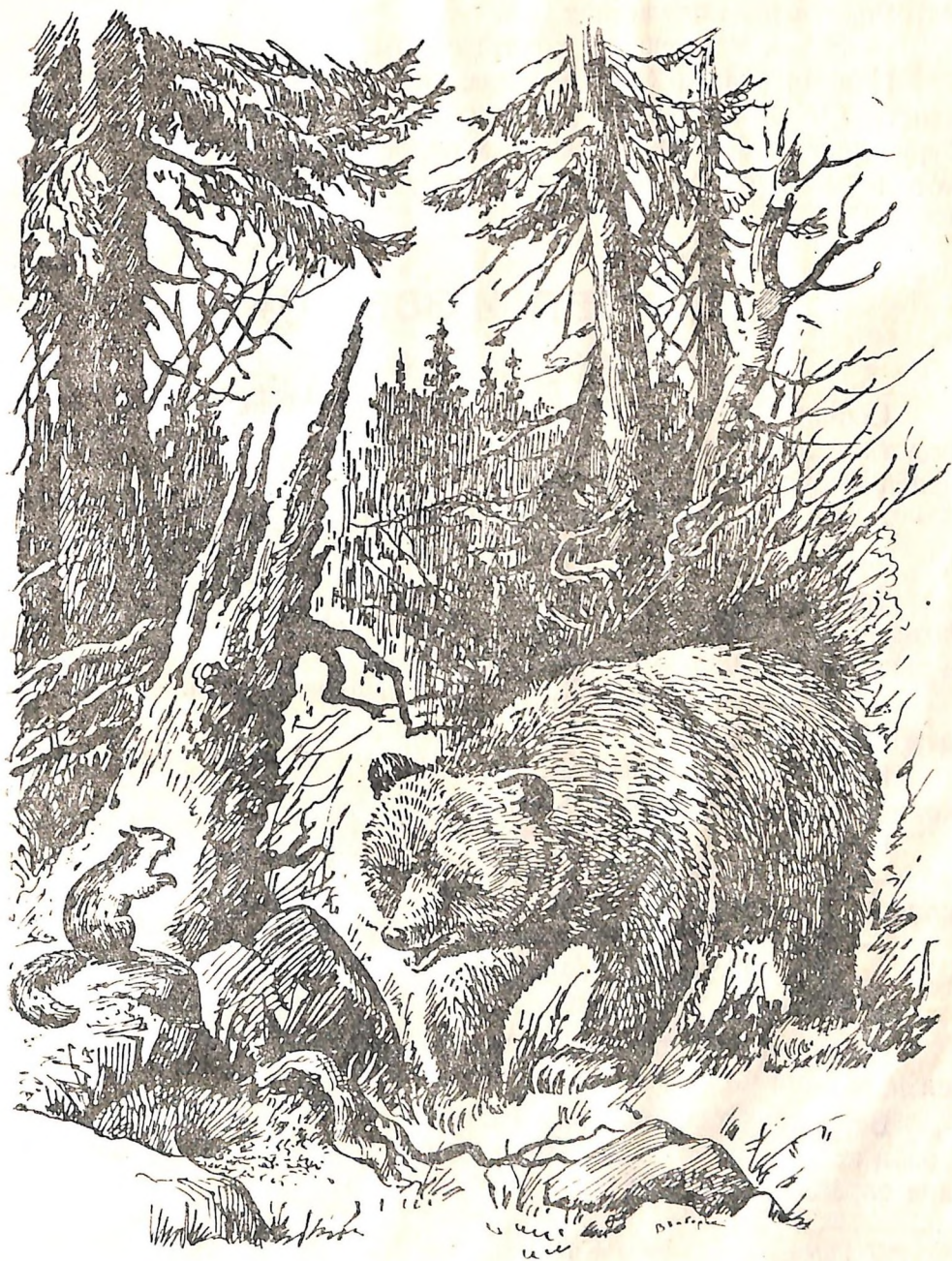
А медведь левой лапой его подхватил.

— Благодарю вас, маленький, — говорит, — голодного меня вы накормили, усталому мне отдых дали. Нестареющим, крепким будьте. Небеднеющим — богатым желаю вам быть.

Бурундук слов медведя не может понять, он по-медвежьему разговаривать никогда не учился. Освободиться, бежать хочет, медвежью жёсткую ладонь тонкими коготками скребёт, а у медведя ладонь даже не чешется.

— Э-э-э, ма-а-аш, где вы росли — моих слов не понимаете? Я вам говорю спа-си-и-бо! Сколько раз повторяю, а вы не отвечаете. Улыбнитесь хоть немножко. Я же вас благодарю. Спасибо вам говорю!

Замолчал медведь. А бурундук думает: «Кончил со мной медведь разговаривать, теперь есть начнёт».

Рванулся из последних сил.

— Э-э-э, ма-а-аш, не хотите слов понимать?

Поднял правую лапу и погладил бурундука с головы до хвоста. От пяти чёрных медвежьих когтей заструились на спине бурундука пять чёрных красивых полос. Вот с тех пор и носит потомство бурундука нарядную шубу — медвежий подарок.

КОРОВА И ЗВЕЗДЫ

Сейчас конь с коровой не водится. А было время, даже родственниками считались. Вот раз летом пошли два друга на зелёный луг.

— Вон густая актамыр-трава. Пожалуйста, корова, кушай!

— Нет, дядя-конь, это тебе пусть будет актамыр-трава.

Так ходили они по светлым холмам. От жары бока у них потемнели. Оводы роями, словно пчёлы, вьются. Захотелось им в тень. Спустились в прохладную долину.

— Мо, дядя-конь, мо-о-о... — замычала корова. — Что там лежит?

Конь медленно глазом повёл: на дне тёмного оврага спокойно спало созвездие Улькер¹.

Поднял конь ногу и своим копытом рот корове заткнул.

— Пшш... Не мычи! Пока эти звёзды спят, придавим их копытами к земле.

— Мо-о-о, я первая увидала! Я первая наступлю!

— Стой! Не глупи! Твои копыта меньше моих, твои мышцы слабее моих. Не удержишь.

Но корова своего дядю-коня не послушала, прыгнула всеми четырьмя копытами на спящее созвездие.

Встрепенулись звёзды, зашипели. Пополам треснули коровьи копыта и через эту щель созвездие Улькер взвилось со дна оврага на дно неба.

¹ У л ь к е р — созвездие Плеяд.

— И-хо-хо! — заржал конь. — Теперь на свои ноги взгляни. Как вилы! Мы больше не родня.

Широко махая шёлковым хвостом, без оглядки ускакал конь.

С того времени стали у коровы парные копыта.

А созвездия Улькер с тех самых пор летом не сыщешь ни в небе, ни на земле. На лето оно прячется от копытного скота в зыбкое болото.

ДОБРАЯ КЕДРОВКА

Жил горбатый медведь. Он был настоящий лентяй.

Увидал однажды спелую шишку, и тут же у него заныло плечо, подмышкой колоть стало.

— Как я, больной, на кедр влезу?

Ходит вокруг. Через мелкие колоды шагает. Увидит колоду покрупней — и прямо по ней идёт: ему лень шагнуть повыше. Вдруг: стук! — шишка сама упала медведю на темя. С темени к ногам.

— Вот это ловко! — сказал медведь и посмотрел вверх, не упадёт ли ещё что?

— Ой, великий медведь, — пискнула рябая кедровка, — я вам лучшую шишку бросила.

Перья у кедровки взъерошились, голос дрожит. Она сидела на ветке, клевала орехи, уронила шишку, шишка стукнула медведя. Испугалась кедровка, не знает, как оправдаться.

— Я всё лето, всю осень эту шишку вам берегла. Очень рада, что вы пришли. Ещё десять шишек могу вам спустить.

— О-о, яйча! Вот гостеприимная птица! Спасибо тебе!..

От этой похвалы кедровка совсем счастливая стала. Ведь она не один раз теряла шишки. Их подбирали мыши, бурундук, человек. И никто ей спасибо не говорил.

А медведь хрустит орехами да приговаривает:

— Мы теперь с тобой друзья. И дети наши пусть дружат.

Что ещё говорил медведь, никто не понял, потому что рот

у него был набит орехами. С тех пор он подружился с кедровкой.

Уж давно видел медведь, как посреди чистой поляны растёт молодой кедр, как наливаются, зреют его тёмные шишки. Теперь к осени они стали тяжёлые, словно свинец. Ветки кедровки от тяжести гнутся к земле. Совсем просто было бы эти шишки сбить, да собирать лень.

— Помоги мне, кедровка!

— Ох, дядя, здесь трава слишком густая. Мне одной не управиться. Если позволите, я позову свою родню.

— Зови!

Кедровка взлетела на вершину лиственницы, раза два крикнула, и все её родные, все знакомые слетелись на поляну. А медведь своё дело знает: шишки бьёт. Бьёт и бьёт. Когда на кедре не осталось ни одной шишки, медведь сел отдохнуть. Глядит — на поляне ни птиц не видно, ни орехов. Только одна гнилая шишка у задней левой ноги валяется. И к этой последней шишке добрая кедровка тоже не постыдилась подлететь. Схватила и унесла.

— Тыфу! — плюнул медведь. — Ешьте мои орехи, ешьте! Сколько бы вы ни съели, всё равно к зиме ложки крови в вашем теле не наберётся, куска мяса с большой палец на костях не вырастет. А я был жирный, зимой ещё толще буду.

В самом деле, медведи всегда жиреют к зиме. А кедровка, сколько бы орехов она ни съела, всё никак не может поправиться.

ОБИДА МАРЛА

Стал медведь стар. А у лисы только впервые мех засеребрился, хвост пушистый вырос. Вот пошла лиса к волку:

— Ах, дядя волк, какое горе, какая беда! Наш медведь-зайсан умирает. Его золотистая шкура поблёкла. Острые зубы сгнили. В лапах силы нет.

— У-у-у! — завыл волк. — Кто теперь зайсаном будет?

— Я думаю, дядя, — проверещала лиса, — кто моложе, кто красивее всех, тот зайсаном должен быть.

А сама лапкой шерсть чешет, языком охорашивает.

— Ладно! — сказал волк. — Собери всех зверей на совет.

Где девять рек соединились, у подножья девяти гор, над быстрым ключом, стоял мохнатый чёрный кедр. Сюда все звери пришли на совет. Свои шубы показывают, зубы пробуют. Кто красивее всех — не могут решить.

— Всяк по-своему хорош! — проурчал старик медведь. — Чего шумите? Я спать хочу. Пошли вон!

Звери поднялись, стали коней седлать. Уже хотят по домам ехать, но тут высоко на горе показался марал. Поднятые лапы зверей не успели опуститься, а марал уже под кедром стоит. От быстрого бега не вспотела его гладкая шерсть. Не заходили тонкие рёбра. Спокойно сияют большие глаза. Розовым языком коричневую губу чешет. Зубы белеют, смеются. Все звери увидели тонкую морду марала. Уши его — как лепестки цветов. Рога — как бархатные стебли. Медленно встал старый медведь, чихнул, чёрной лапой глаза от солнца спрятал, разинул пасть, но ничего не успел сказать, потому что лиса выбежала вперёд и затявкала:

— Хорошо ли живёте, благородный марал? Видно, ослабели ваши стройные ноги? Широкая грудь, наверно, больна? К этому кедру белки первыми пришли, кривоногая росомаха давно здесь. Только вы, марал, так опоздали.

От стыда марал низко опустил свою ветвистую голову. Потом поднял её. Мохнатая грудь колыхнулась, и зазвенел его голос, как тростниковая свирель:

— Почтенная лиса! Белки на этом кедре живут, росомаха на соседнем дереве спала, а я девять хребтов миновал, девяносто девять рек перебрёл.

Усмехнулся старый медведь, сгрёб мохнатой лапой красную лису и перекинул её через восемь гор.

— Эта лиса, — сказал медведь, — в моём аиле хочет жить. Кривоногая росомаха тоже в красавицы лезет. Пожалуйста, благородный марал, займи ты почётное место.

Повернул марал голову. Его рога в лучах солнца будто про-
• врачные стали, словно маслом налились. А лиса уже здесь:

— Ох-ха-ха! Марал большой чин получил. Это довольно стыдно. Сейчас-то он красив, а посмотрите на него весной! Голова безрогая, комолая, шея тонкая, шерсть висит клочьями, сам ходит скорчившись, от ветра шатается.

Бурый марал слов не нашёл. Из чёрных глаз упали жгучие слёзы. Эти слёзы прожгли щёки до кости, и кости погнулись.

В память той горькой обиды у потомков марала под влажными глазами темнеют две глубокие впадины.

СОДЕРЖАНИЕ

Шёлковая Кисточка	3
Сартакпай	8
Счастливый Рысту	12
Золотая чочойка	16
Лиса-сваха	19
Эскюзек и Алтын-Чач	24
Хан Сары-Каан	32
Семь братьев	33
Ушко-Кулакча	41
Сто умов	45
Брат и сестра	47
Мактанчик-таш	49
Страшный гость	51
Про сороку	53
Дядя медведь	54
Летучая мышь	62
Жадный глухарь	63
Кабарга-лакомка	64
Диль-кель	65
Горностай и заяц	66
Мышь и верблюд	68
Скупая лягушка	69
Нарядный бурундук	70
Корова и звёзды	74
Добрая кедровка	75
Обида марала	76

Редактор М. Срубицк
Художник В. Заборский
Художественный редактор Т. Полошинвич
Технический редактор С. Каплан
Корректор В. Пиджакова

*

Сдано в набор 16. IX. 1955 г. Подписано
к печати 7. X. 1955 г. АГ 01682.

*

Бумага $70 \times 92\frac{1}{16} = 2,5$ б. л., 5 п. л.,
4,18 изд. л. Тираж 75000 экз.
Заказ № 1831. Цена 1 р. 50 к.

*

Типография № 1 Полиграфиздата
Барнаул, ул. Льва Толстого, 29.

44648

